

Авоська с Алмазным фондом

Автор:

Дарья Донцова

Авоська с Алмазным фондом

Дарья Аркадьевна Донцова

Джентльмен сыска Иван Подушкин #20

Тридцать три несчастья свалились на голову Ивана Павловича Подушкина. Мало того что к нему в квартиру вдруг заявилась маменька со всем скарбом – Николетта поссорилась с мужем. Умилостивить ее можно, как выяснилось, только особняком размером с футбольное поле в качестве презента. До кучи неожиданно свалился с insultом лучший друг Макс Воронов, едва успев попросить помочь приятелю-следователю. А дело оказалось очень запутанным – найден труп девушки, и совершенно непонятно, кто и за что мог с ней расправиться, симитировав самоубийство. Приходится частному сыщику и по Москве мотаться, и отправиться в провинцию. Но при чем тут алмазы сомнительного происхождения? Ира Вилкина, бывшая детдомовка, была бедна как церковная мышь! Или нет?..

Дарья Донцова

Авоська с Алмазным фондом

© Донцова Д. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Хороший враг лучше плохого родственника...

Я отложил книгу и посмотрел на часы. Почитать еще немного или заварить себе чаю? В семь вечера придет Макс, сейчас пять.

Вообще-то утром я планировал день иначе, и сначала все шло по намеченному расписанию. В полдень я побеседовал с клиентом, рассказал ему о проделанной работе, отдал кое-какие документы и получил гонорар. В районе трех в прекрасном настроении я вернулся домой, принял душ, переоделся, перекусил, а в половине пятого собрался заняться мелкими домашними делами. В частности, поехать в магазин и купить кучу всякой ерунды: туалетную бумагу, салфетки, зубную пасту.

Обычно за такими пустяками ездила моя домработница, но она три недели назад совершенно неожиданно уволилась. Просто позвонила и объявила:

– Иван Павлович, я больше не могу у вас работать.

И бросила трубку.

В первую секунду я растерялся, потом набрал номер прислуги и спросил:

– Вероника, что случилось? Может, я обидел вас чем-то?

– Нет, – ответила она. И захихикала. – Я замуж выхожу за богатого. Больше нет нужды по чужим людям мотаться, полы мыть.

От неожиданности я, забыв о хорошем воспитании, ляпнул:

– Вы? Замуж?

– А что, вы считаете меня старой, никому не нужной калошей? – моментально отреагировала домработница, теперь уже бывшая. – Толстой и некрасивой, не достойной внимания мужчин?

– Конечно, нет, – смутился я. – Не имел в виду ничего подобного.

– Вот сколько мне, по-вашему, лет?

Мне прекрасно известно: если дама задает сей вопрос, упаси вас господь ответить правду, в целях безопасности надо назвать сильно приуменьшенную цифру. Видите отчаянно растолстевшую даму, которая держит за руку внучку-пятиклассницу? Улыбайтесь и говорите: «Я хотел сказать, что вам двадцать пять, но заметил вашу прелестную дочь и понял: вам исполнилось тридцать». Гарантирую, вы станете для тетушки, недавно задувшей на торте пятьдесят восемь свечей, лучшим другом.

Но сообщение Вероники о предстоящем походе в загс настолько меня удивило, что ваш покорный слуга господин Подушкин перестал, как говорится, ловить мышей и в кои-то веки сказал правду:

– Насколько я знаю, вам шестьдесят.

– Да вы что, Иван Павлович? – возмутилась Вероника. – Откуда взяли эту цифру?

Тут, слава богу, я опомнился и прикусил язык. Хотя собрался напомнить собеседнице, что она, нанимаясь ко мне на работу, показала паспорт, в котором была указана дата ее появления на свет.

– Это вашей матери триста лет в обед, – зло продолжала домработница, – а я молода, едва сорокалетие справила. И академик Баринов оценил не только мои изумительные хозяйственные таланты, но и редкую красоту лица вкупе с прекрасной фигурой.

Я опять испытал шок. Семидесятилетнему Игорю Федоровичу, недавно ставшему вдовцом, Веронику в качестве поломойки посоветовал именно я. Вернее, мне позвонила его дочь Софья и затараторила:

– Ванечка, ты же в курсе, я давно живу в Нью-Йорке и много раз звала папу к себе. Но он категорически не желает покидать Москву, отказывается бросить свой институт, студентов?аспирантов. Прошу, найди ему прислугу, я сама не могу этим заняться.

Немало удивленный ее просьбой, я не понял, почему Сонечка решила позвонить мне. Есть же агентства по подбору персонала! Хотя, может, она перепутала, решив, что у меня бюро по найму горничных, а не частное детективное агентство?

Но Соня сама все разъяснила:

– Ванюша, я пыталась прибегнуть к услугам специально обученных людей, мне предлагали разные варианты. Но потенциальная прислуга, войдя в прихожую отца, мигом подсчитывала, сколько стоит шестикомнатная квартира, из окон которой виден Кремль, оценивала мебель, картины, узнавала, что папе принадлежит коммерческий вуз, а также о наличии у него недвижимости в Лондоне и тут же пускалась во все тяжкие – мини-юбки, кофты с вырезом до колен... Мне продолжать?

– Не надо, – усмехнулся я.

А Софья грустно добавила:

– Папа не привык жить один, к тому же обожает женщин. Может, ты не в курсе, но они с мамой четыре раза разводились из-за того, что он заводил любовниц. Потом отец опять делал мамуле предложение, следовала очередная их свадьба... В общем, бразильский сериал! Папе сейчас семьдесят, но у него хорошее здоровье и менталитет юнца, а посему он до сих пор очаровывается дамами. Боюсь, как бы он не стал легкой добычей для какой-нибудь зубастой жадной красотки. Будь другом, найди ему в домработницы тетку, которая не вызовет естественного мужского желания. Чем старше и страшнее она окажется, тем лучше. Но совсем уж развалину тоже предлагать не надо, квартиру необходимо содержать в чистоте.

Именно в тот момент, когда Соня произнесла последнюю фразу, в мою комнату вошла Вероника и отрапортовала:

– Я все сделала. До среды.

Я посмотрел вслед своей прислуге и сообразил: вот он, нужный академику Баринову вариант. Нике шестьдесят, в ней около ста кило веса, на голове у нее невообразимо рыжие волосы, которые по мере отрастания, похоже, отгрызает ее кошка – сомнительно, что даже безрукий и слепой парикмахер способен сделать столь странную стрижку. Макияж она не наносит, парфюм не употребляет, представить ее в соблазнительном черном или красном кружевном белье немыслимо. Руки домработницы не знают маникюра. Ее голые ступни я, слава богу, не видел, но думаю, они не в лучшем состоянии. Из одежды Вероника предпочитает платья-балахоны унылых цветов, поверх которых, занимаясь уборкой, она набрасывает синий сатиновый халат с черными пуговицами. И где только такой раздобыла? Во времена моего детства в подобном щеголяла школьная уборщица или, как тогда говорили, техничка. Но в отличие от нее Вероника не пьет, не курит, не ворует, я смело даю ей деньги на покупки и всегда получаю сдачу и чек. Домработница аккуратна, никогда не опаздывает, хорошо гладит-стирает-пылесосит, не болтлива, не перемещает книги в моей комнате. Правда, она на редкость противно готовит, даже отварная картошка превращается у нее в категорически несъедобное блюдо. Но ведь не существует людей без недостатков? Сейчас легко можно поужинать в кафе или купить еду в супермаркете. Вероника приходит ко мне два раза в неделю и, наверное, не откажется от лишнего заработка...

Короче, я с легкой душой дал Софье номер ее телефона. Ника начала ходить к Баринову, несколько раз благодарила меня за хвалебную рекомендацию. И что получилось? Как мне теперь объясняться с Соней?..

Я встал, чтобы взять ключи от машины, и тут раздался звонок в дверь. Часы показывали четверть шестого – для Макса рано. Весьма удивленный, я поспешил в прихожую, увидел на экране домофона мужчину в очках в золотой оправе, решил, что он просто ошибся квартирой, и спокойно произнес:

– Добрый день. Вы к кому?

– Госпожа Адилье с визитом к господину Подушкину, – голосом глашатая, читающего на площади королевский указ о повышении налогов, возвестил незнакомец.

Я опешил.

– Что, простите?

Говоривший неожиданно пропал, перед моим взором появилась лохматая рыже-белая собачья морда, из ее пасти вдруг понеслось сопрано Николетты:

– Хватит идиотничать, Вава, немедленно открой!

Я потряс головой. Иван Павлович, голубчик, может, тебе не стоило пить зеленый чай, привезенный Максом из Голландии? Вероятно, в него подмешали некий разрешенный в этой стране ингредиент и теперь у меня глюки?

– Вава! – заорала псина. – Выйди из тьмы, очнись! Выпади из Древнего Египта или Рима, отшвырни том Сократа, вернись к действительности! Вот всегда так: когда я умираю в нечеловеческих условиях, от тебя не дожждаться помощи...

Вздрагнув, я нажал на кнопку, открывающую дверь парадного. Конечно, я обязан радоваться встрече с маменькой, непочтение к родителям – смертный грех, но я никак не ожидал, что Николетта приедет сегодня. Что за мужчина вместе с ней? Мне почудилась собачья морда на экране домофона или я реально ее видел?

Распахнув дверь на лестницу, я отступил на шаг. На площадке вздымалась гора чемоданов, около нее, склонив голову, стоял все тот же человек в очках. Без тени улыбки на лице он произнес:

– Добрый день, господин Подушкин. Куда прикажете поместить багаж госпожи Адилье?

– Багаж госпожи Адилье? – переспросил я, ощущая, как начинает холодеть спина. – А зачем мама привезла столько баулов?

Двери лифта раскрылись, из кабины выпорхнула, как всегда, идеально причесанная, умело покрашенная и модно-дорого одетая Николетта с привычными словами:

– Вава, прекрати задавать глупые вопросы! Подвинься!

Я посторонился.

Маменька вихрем влетела в мою квартиру, пронеслась по коридорам, встала посреди гостиной и заорала:

– Борис, сюда! Пусть люди немедленно передвинут мебель. Уродский диван вон! Вава, как тебя угораздило купить это чудовище, утыканное стразами? Это кухаркина красота, блеск и мрак куртизанок...

– Блеск и нищета куртизанок, – машинально поправил я, – именно так Оноре де Бальзак назвал свой роман.

Маменька попыталась поднять брови, но обколотый ботоксом лоб помешал ее маневру.

– Вава, не умничай! При чем тут книги? Я говорю о софе! Она отвратительна, помпезно ужасна. Глаза сводит судорогой при взгляде на этого монстра.

Я открыл рот, но тут же догадался его захлопнуть. Иван Павлович, тебе еще рано отправляться к праотцам, а если напомнить Николетте, что сей жуткий диван – ее собственный подарок сыну, то ты рискуешь не дожить до встречи с Максом, Воронов найдет в гостиной твой хладный труп. В некоторых ситуациях лучше молчать и светски улыбаться. Но вам-то я скажу правду: когда некоторое время назад я увидел, какое ложе преподнесла мне матушка, не знал, как реагировать. В последний раз она баловала любимое чадо презентом лет эдак... Хм, не помню, давно сие было, вроде я ходил тогда в третий класс. С чего это Николетта спустя не один десяток лет решила осчастливить своего взрослого сына красным диваном, густо утыканным осколками бутылочного стекла? Простите, но мне совсем не хочется подробно вспоминать ту историю[1 - История красного дивана подробно рассказана в книге Дарьи Донцовой «Судьба найдет на сеновале», издательство «Эксмо».]

– Удалите китч во двор и разрубите топором, – завершила свое выступление Николетта.

- Будет выполнено, – почтительно ответил Борис.

- Кровать поставить у стены, – распорядилась маменька, – распаковать все, разложить, купить шкаф... Неужели тебе непонятно, как действовать? Почему я горло надрываю?

- Не извольте беспокоиться. Разрешите вам кофе заварить? – осведомился Борис.

- Ступай, – милостиво согласилась Nicolette.

- Гав, гав, гав, – раздалось из коридора, и в гостиную влетела рыже-белая дворняга размером с карликового пуделя, которая тут же напрудила лужу на паркете.

Глава 2

Не знаю, что поразило меня больше: присутствие пса в доме или его наряд. На собачонке были лаковые ярко-голубые ботинки, синий свитер в полоску с белым воротником (кажется, такой называют матроской), шею украшал кожаный ошейник с золотыми клепками и бубенчиком, который издавал противное треньканье.

- Это что? – изумился я. – Вернее, кто? Откуда он взялся? Может, с лестницы забежал? Но в подъезде ни у кого собак нет.

Маменька схватила вертлявую шавку и принялась осыпать ее поцелуями.

- Зайчик, котик, ангелочек мой. Вава, это Иоганн Вольфганг... э... э... Борис!

- Гёте, – машинально завершил я, – так звали великого немецкого поэта.

- Кличка пса Людвиг Ван Иоганн Вольфганг Цезарь Брут Ницше, – уточнил Борис.

Собака залаяла.

- Ути, мой лапочка! - умилилась Николетта.

Я опешил. Людвиг Ван Иоганн? Ничего себе сочетание... Так и тянет сказать - Людвиг Ван Бетховен. А к Иоганну Вольфгангу хочется добавить фамилию Гёте. Цезарь - это скорее всего Гай Юлий, древнеримский государственный деятель, полководец. Марк Юлий Брут прославился как убийца Цезаря. При его упоминании сразу напрашивается вопрос: «И ты, Брут?» Фридрих Ницше - немецкий философ. Кто догадался соединить все эти имена в кличке пса?

Дворняжка вывернулась из наманикюренных пальцев маменьки и унеслась в коридор.

- Брутик! - закричала Николетта. - Иоганчик, сюда, вернись! Борис, как его позвать?

- Людвиг Ван Иоганн Вольфганг Цезарь Брут Ницше! - громко провозгласил тот.

Кудлатый комок тут же примчался в гостиную и сел на паркет.

- Песик отзывается только на полное имя, - пожаловалась Николетта. - А оно такое длинное!

Борис кашлянул.

- Мальчик у вас только вчера появился. Ничего, непременно привыкнет к короткому имени.

Лишь сейчас до моего сознания с большим опозданием дошло.

- Николетта, ты завела пса?

Маменька вздернула подбородок.

- Вава, это не собака!

- А кто? - изумился я. - На кошку он не похож, на хомячка тоже.

- Брутик Цезик - африканский ледовый розовокустый скандинавский гончий, - объявила Nicolette.

Я потряс головой. Найдите хоть каплю логики в названии породы? Правда, в Африке есть ледники, они расположены в Уганде и Танзании, но если пес родом оттуда, то при чем здесь кусты роз и Скандинавия?

- На сегодняшний день эта порода является самой дорогой и самой редкой в мире, - подал голос Борис, - цена на подростка щенка начинается с десяти тысяч евро.

- Ни у Коки, ни у Зюки, ни у Люки раритетного животного нет, - зачирикала маменька, - у них простецкие йорки, каких в Москве миллионы. А у меня уникал! Вчера его получила.

Понятно, Nicolette, как всегда, захотелось вызвать у заклятых подружек приступ зависти и разлития черной желчи. Готов спорить на что угодно: она уже оповестила «девочек» о своем приобретении, а Кока, Зюка, Люка и все остальные с утра кинулись за этими Вольфгангами Брутами. Так, с собакой ситуация прояснилась. Но зачем матушка прибыла ко мне в компании с сотней чемоданов?

На столе запищал мобильный, я взял трубку, увидел на экране имя «Владимир» и ответил:

- Слушаю.

- Она у тебя? - забыв поздороваться, спросил отчим. - Говори так, чтобы Летти не поняла, с кем ты беседуешь.

- Рад вас слышать, Петр, - начал я. - Если вкратце изложите суть вопроса... Извините, минуточку...

Я посмотрел на Nicolette.

– Прости, это клиент, я вынужден тебя на время покинуть. Соблюдение строгой конфиденциальности – фундамент моего бизнеса.

– Хочешь сказать, что работа, за которую ты получаешь рваную копейку, для тебя важнее моих огромных проблем? – немедленно разозлилась незваная гостья.

Я сделал вид, что не слышал ее заявления, и вышел в коридор.

– Можешь говорить? – осведомился муж Николетты.

– Теперь да, – заверил я.

– Нужен совет, – зашептал отчим.

Я опять испытал безмерное удивление. Сейчас поясню отчего.

Моя мать долго жила вдовой. Охотников на ее руку находилось немало, но Николетта не спешила в загс. Я наивно полагал, что маменька, став вдовой, наконец-то оценила по достоинству моего отца, прозаика Подушкина, поняла, с каким человеком свела ее судьба, и теперь испытывает стыд за истерики и скандалы, которые ему устраивала, за бесконечное требование денег...

Но потом я совершенно случайно услышал беседу Николетты с Зюкой. Последняя спросила:

– Почему ты отказала Олегу Бурмистрову? Он хороший журналист, стабильно зарабатывает. Чем не партия?

Маменька фыркнула:

– Дорогая! Я вдова писателя, чьи книги бабы расхватывают с дракой, свободно хожу в Дом литераторов, получаю приглашения на премьеры, мне, как жене покойного Павла Подушкина, Литфонд дает бесплатные путевки и в Коктебель, и в Пицунду, и в Дом творчества в Переделкине. Ко всем праздникам присылают продуктовые заказы первой категории с икрой и сервелатом. Мой статус в обществе высок. И что будет, если в моем паспорте появится штамп о браке

с Бурмистровым? Я перестану быть элитой общества, превращусь в супругу заштатного, мало кому известного корреспондента пятого сорта, лишусь всех привилегий, буду жить в нищете. Зюка, дорогая, Дом литераторов на Дом журналиста не меняют!

Тогда я понял: маменька при всей ее взбалмошности дама весьма расчетливая, если она и вступит в новый барк, то только с очень богатым человеком. И точно, так и произошло!

Второй раз Николетта пошла под венец не так давно. Ее счастливый избранник Владимир Иванович – бизнесмен, заработавший миллиардное состояние. Матушка моя понравилась ему с первого взгляда. Девяносто мужчин из ста не переваривают капризных истеричных баб, которым постоянно требуются большие средства на ерунду, но отчим оказался из тех десяти представителей сильного пола, которым нравится исполнять дома роль раба и подкаблучника. Владимир Иванович умиляется прихотям жены, ее умению разжечь на пустом месте скандал, восхищается внешностью супруги, и его не смущает, что она старше.

Владимир – выходец из бедной семьи, благополучия достиг исключительно за счет собственного ума и трудолюбия. Стыдно признаться, но я так и не понял, чем он занимается. Кажется, какими-то трубами-станками-гайками. Мой отчим – типичный технарь, его жизнь проходит на заводах и фабриках, поэтому он наивно считает Николетту представительницей высшего светского общества и счастлив, как ребенок, когда маменька, стоя с ним рядом в гостиной, встречает приятелей, явившихся на ее очередное суаре. Похоже, Владимир Иванович, несмотря на все его деньги, ум и талант бизнесмена, в этот момент чувствует себя свинопасом, которого полюбила принцесса. И ничего, что сиятельная особа вредна, капризна, скандальна, суетна, тщеславна, любит приврать, пять раз меняла паспорт, чтобы стать моложе... Это все ерунда, главное – она ПРИНЦЕССА. Мог ли сын родителей-алкоголиков, бывший подсобный рабочий, не прочитавший ни одной книги, мечтать о том, что станет своим в высшем свете?

В общем, горшок нашел крышку. Николетта жаждала денег и их получила. А Владимир Иванович мечтал о суровой госпоже в ранге королевы тусовок и обрел ее. На их свадьбе я был счастлив, как малыш, получивший железную дорогу. Меня согревала мысль, что отныне я перестану быть единственным объектом воспитательных акций госпожи Адилье, она начнет обстругивать

второго мужа.

У меня с Владимиром полное взаимопонимание. Мне же не десять лет, чтобы ревновать маменьку к постороннему дяде, наоборот, я ему бесконечно признателен. Мы с ним мило беседуем при встречах, обмениваемся дежурными бутылками на праздники, но доверительных отношений нет и в помине. Уж слишком мы разные люди. И вдруг сейчас звонок Владимира с просьбой дать ему совет...

– Жена на меня обиделась, – говорил тем временем мой отчим, – оставила записку: «Прощай навсегда, уехала жить к Ваве, некогда твоя Летта». Одежды в гардеробной нет, этого... Франца Иосифа... Наполеона Кутузова... пса придурочного... тоже.

Меня охватил ужас.

– Николетта написала: «Уехала жить к Ваве»?

– Да-да, – подтвердил Владимир Иванович. Умолк на секунду, потом закричал: – Ее у тебя нет? Необходимо срочно начать поиски! Летти пропадет! Одна на улице, во враждебном мире, в огромном мегаполисе, кишашем преступниками...

Я перевел дух.

– Не беспокойтесь, матушка в моей гостиной.

– Фу... – выдохнул Владимир. – Ура!

А я, прислонившись к стене, подумал: «В жизни всегда так: для одного война – горе, для другого – радость. Отчим сейчас обрадовался, а я впал в уныние, потому что сообразил, по какой причине маменька принялась хозяйничать в моей гостиной – она решила поселиться со мной под одной крышей. Перед иконой какого святого мне надо спешно бить земные поклоны, чтобы беда улетела прочь?»

– Как она, Ваня? – не отставал отчим. – Вся в слезах?

- Nicolette? - осторожно уточнил я. - Вроде нет, вполне бодр, всю команду ведет Борисом.

- Кем? - прошептал Владимир Иванович.

- Незнакомым мне мужчиной, они вместе приехали, - разъяснил я.

Из трубки донесся странный звук, потом полетели гудки.

Я сделал несколько глубоких вдохов, и тут трубка снова затрещала. На сей раз меня искал Макс.

- Не будешь против, если я пораньше подгребу? - спросил он.

- Нет проблем, - ответил я. - Но давай пообщаемся в агентстве, домой не заходи.

- Ладно, как скажешь, - согласился Макс. - Что-то случилось?

- Небольшая заварушка, - пробормотал я. - Nicolette приехала ко мне навеки поселиться, у них с Владимиром Ивановичем ссора случилась. Подробности я пока не выяснил.

- Не знаю, что и сказать, - вздохнул Макс. - Главное, не нервничай, все будет в порядке, зимой надо верить в приход весны. Через десять минут я в твоём офисе.

Я вернулся в гостиную, увидел там спящих людей в синих комбинезонах, отыскал глазами маменьку и предупредил:

- Ухожу на работу, клиент ждет.

- Если тебе нравится служить за копейки, делай что хочешь, - милостиво разрешила она. - Сейчас пришлю тебе список.

- Список чего? - не понял я.

– Покупок, – уточнила Nicolette. – Я забыла кое-что очень нужное, необходимое, без чего жить нельзя. Изволь приобрести.

– Если это лекарства, то потребуется рецепт, – смиренно предупредил я.

Маменька сложила руки на груди.

– Вава! Я что, по-твоему, старуха, которой нужны таблетки?

Вместо того чтобы резонно возразить: «Есть множество молодых людей и даже детей, которым прописаны лекарства», я смалодушничал:

– Конечно, нет! Я имел в виду витамины для укрепления здоровья.

– Значит, все так плохо, что мне нужно употреблять БАДы? – возмутилась маменька. – Выгляжу уродиной, на двадцать лет старше своего тридцатилетнего возраста?

И тут, на мое счастье, в комнату влетел Людвиг Ван Как Его Там Дальше. Матушка схватила пса и начала яростно его целовать. Я попятился к двери и, чувствуя себя шведским королем Карлом Двенадцатым, бегущим из-под Полтавы, позорно отступил на лестничную клетку.

Глава 3

– Тебе что-нибудь говорит имя – Константин Ерофеевич Вилкин? – спросил Макс.

– Да, – кивнул я. – Не так давно ко мне обратилась Ирина Вилкина, она просила найти ее брата Константина. Вернее, Костя – внук ее отца, Ерофей – его сын от первой жены. Но Ира считает Костю своим братом. Она воспитывалась в детском доме, куда попала после того, как лишилась родителей, угоревших ночью от печки. Ее отец и мать очень любили тепло, постоянно мерзли, поэтому топили даже летом, а Ире было жарко, она уходила спать в сарайчик, что ее и спасло. На момент гибели родителей ей едва исполнилось девять, и до восемнадцати лет Ирина жила в приюте. Сейчас у нее бедственное

положение, денег совсем нет, девушка попросила оказать ей услугу в кредит по розыску брата, горько плакала.

- А ты ее пожалел и нашел Константина бесплатно? - предположил Макс.

Я почему-то стал оправдываться:

- Ира очень молода, а уже настрадалась, очутиться в приюте отнюдь не весело. Впрочем, и Константину досталось - его отец и мать погибли, когда катались на горных лыжах.

- Очень гламурно, - хмыкнул Макс, - поди, в Альпах спортом развлекались.

- Косте никто подробностей не доложил, - ответил я. - На момент кончины родителей мальчик был совсем крошкой. Его к себе взял дед по отцовской линии. Звали деда Вениамин Михайлович, он был женат второй раз на женщине по имени Резеда Ивановна. Когда Костику исполнилось девять, у Вилкиных родилась дочь Ира. Семья жила в местечке Балуево. Это далеко от Москвы, у них в глухом лесу был мотель: два домика, в каждом по одной спальне, из удобств - биотуалеты и крохотная раковина. Зато для гостей работала прекрасная баня. Судя по рассказу Ирины, гостиница довольно убогая, но народ туда иногда приезжал, в основном постоянные клиенты. Роскошная рыбалка, море грибов?ягод, все это привлекало измученных цивилизацией горожан, жаждущих тишины и покоя. Ни телефона, ни телевизора в лесной глуши не было, поэтому как раз с тишиной там был полный порядок.

- Как же владельцы мотеля связывались с клиентами? - удивился Макс.

Я рассмеялся.

- А как это делалось раньше?

- Голубиная почта? - заморгал Воронов. - Или дрессированные зайцы туда-сюда с записками сновали?

- Вилкин был радиолобителем, - улыбнувшись, пояснил я, - весьма распространенное в прошлом веке хобби. Потенциальный постоялец присылал

в Балуюево на местную почту телеграмму для Вениамина Михайловича. В отделении работал приятель старика, который ему по радио зачитывал текст, а тот диктовал ответ. Раз в месяц Вилкин наведывался в поселок, покупал сахар, муку, соль, дрожжи, получал пенсию и расплачивался за все отправленные от своего имени депеши. Балуюево невелико, жители друг друга отлично знали, на почте не сомневались, что Вениамин Михайлович возместит долг. Именно в отделении забеспокоились, когда однажды Вилкин не появился, как обычно. Он всегда приезжал за пенсией в полдень, брал деньги, шел в местный магазин и приобретал продукты, необходимые мелочи и подарки детям: игрушки, конфеты, книги. Но пятого июля Вилкин не появился. Сергей, тот самый его приятель с почты, неоднократно пытался с ним связаться по рации, но никто в мотеле не отзывался. Это было совсем уж странно. Пусть хозяин постоянного двора заболел, за пособием не смог приехать, по радио ему трудно общаться, но ведь Резеда и Костя знают, как пользоваться передатчиком... В районе трех часов дня местный участковый Петр Горелов сел в свой «козлик» и поехал к Вилкиным. Милиционер обнаружил мертвых супругов в кроватях и перепуганную насмерть Ирочку, плачущую в сарае. Девочка рассказала, что летом во время каникул, когда не надо спешить к восьми утра в школу в Балуюево, она поднималась чуть позже, но сегодня проспала до полудня. Вскочила и удивилась: мама почему-то ее не разбудила. Из хозяйственного сарая доносилось сердитое мычание недоенной коровы, во дворе кудахтали куры, не получившие корма, из летней кухни, где Резеда Ивановна готовила в теплое время года, не пахло едой. Ирочка побежала в избу, там сильно пахло дымом...

Я посмотрел на Макса.

– Вот такая история. Девочку отдали в детдом, она выросла, получила однокомнатную квартиру в небольшом городке Игнатьево, ухитрилась поменять ее на комнату в Москве и стала мыкаться по разным работам. У Ирины было мало шансов получить высшее образование – в ее школьном аттестате теснились тройки. Девушка несколько раз пыталась поступить в какое-нибудь училище, хотела стать медсестрой, но не сдала вступительные экзамены. Потом решила овладеть профессией стилиста-парикмахера, однако была начисто лишена таланта. Вилкина перебивалась случайными заработками, потом заболела, понадобились лекарства, здоровое питание, и тут-то Ира вспомнила про того, кого считала своим старшим братом. «Костя очень умный, учился в школе для особо одаренных детей на одни пятерки, – объяснила она мне, – наверное, он хорошо живет и поможет младшей сестре, мы же с ним одни на белом свете». Я спросил у нее, почему она сразу, едва перебравшись в столицу, не увиделась с братом, и услышал в ответ: «Постеснялась, не хотела обузой стать. Думала,

добьюсь успеха, куплю квартиру, машину, тогда и дам о себе знать. Но заболела, и пришлось Костю искать».

- Что у нее за проблемы со здоровьем? - поинтересовался Макс.

- Не знаю. Она не сообщила, а я не уточнял. Но Вилкина не казалась больной, выглядела нормально, ну разве что была излишне бледной и худой. А вот одежда на ней оказалась убогая. Я понял, что лишних средств у клиентки нет, и сказал ей: «Нанять частного детектива - недешевое удовольствие. Есть лучший путь: можно обратиться в Мосгорсправку с запросом, вам сообщат адрес Константина по прописке». Тогда Ира объяснила, что искала его по-всякому, везде отвечали: Константина Ерофеевича Вилкина в Москве нет. Девушка почти плакала: «Я уверена, что он здесь. Поэтому и пришла к вам. Найдите моего брата!» Я порылся в разных закутках и выяснил: Ирину не обманывали, Константин Ерофеевич Вилкин в столице не проживает, но есть Константин Ерофеевич Ухов того же года рождения, состоящий в браке с Фаиной Дмитриевной Уховой, которая старше мужа. У них двое детей. Первый, мальчик, рожден за два года до брака, это сын Фаины от другого мужчины. Почему-то Костя решил взять фамилию супруги. Собственно говоря, это вся история, я потратил на поиски чуть больше часа. Разве за такую работу можно брать деньги? Тем более с сироты.

- Ты дал адрес брата Ирине? - спросил Воронов.

- Сначала позвонил ему и сказал: «Беспокоит Иван Павлович Подушкин, владелец детективного агентства. Вас разыскивает Ирина Вилкина. Знаете такую?» Собеседник отрубил: «Я не привык обсуждать личные дела по телефону. Почему я должен верить вам на слово, что вы частный сыщик?» Я уговорил его встретиться в кафе. Он приехал на дорогой машине, был прекрасно одет, на запястье у него сверкали отнюдь не дешевые часы. Я рассказал ему о бедственном положении Ирины, о том, что она больна. Ухов помолчал, потом без особой радости ответил: «Ирину я сестрой не считаю, она дочь деда и его жены и мне никто. Мы не виделись много лет, теперь вдруг нахалка денег хочет. Не имею желаний вешать ее себе на шею, у нас с женой двое детей, их кормить-учить надо».

- Хм, сурово, - покачал головой Максим.

– Ну да. Я попытался воззвать к его совести, напомнил, что Ирина росла в приюте, очень одинока, к тому же больна, долг старшего брата – протянуть ей руку помощи. Константин нехотя пробурчал: «Ладно, давайте ее телефон, сам с девчонкой свяжусь. Какого черта она детектива наняла? Меня легко найти, я ни от кого не скрываюсь. И, похоже, Ирина не бедна, ваши услуги вовсе не копейки стоят, вы обдираете клиентов, как татары Русь». Я объяснил, что в данном случае работаю бесплатно, и добавил: «Ирина делала через справку запрос на Константина Вилкина, ей ответили: такого в Москве нет. Вы ведь взяли фамилию жены, стали Уховым». И знаешь, что я услышал?

– Что? – оживился Максим.

– Мол, это он сделал из-за первого ребенка супруги. Тому поменять документы невозможно – биологический отец против. Мол, нехорошо, когда в семье один Ухов, а остальные Вилкины. На этом наше общение завершилось, но мне стало понятно: Константин Ерофеевич совсем не рад предстоящей встрече с родственницей. Даже показалось, что он зол на нее.

– Ирина с ним встречалась? – задал очередной вопрос Воронов.

– Понятия не имею. Передал ей содержание своей беседы с Константином, и все. Она более ко мне не приходила. А теперь объясни, по какой причине ты заинтересовался этой девушкой? И как выяснил, что я с ней пересекался?

Макс вынул из портфеля папку и положил ее на стол.

– Там фото. Надеюсь, тебя не стошнит.

Я открыл скоросшиватель.

– Ох! Что это?

– Труп неопознанной девушки, найденный в комнате, принадлежавшей Ирине Вилкиной. По предположению эксперта, тело пролежало более месяца. Действительно зрелище не из приятных.

Я быстро захлопнул папку.

– Да уж! Почему соседи не вызвали полицию? Должен был стоять неприятный специфический запах.

Мой друг сделал глоток кофе.

– Ирина жила в коммуналке в трехэтажном здании, которое готовили к сносу. Весь народ выселили, осталась лишь семья Водопьяновых: отец, мать и двое сыновей. Фамилию свою они оправдывали – пили безостановочно, и отнюдь не воду. Из-за алконавтов разбор дома задерживался: им предлагали жилье, но глава семьи всякий раз капризничал, то ему до метро далеко, то квартира угловая, то еще что-то не так. Ему уже просто ультиматум выдвинули: вот вам две трешки на выбор, других не будет. Мужик был вынужден сдаться. Только семейство никак не выезжало, квасило с утра до ночи, собрать вещи времени не хватало. Наконец все же переехали по новому адресу. Строители вошли в подъезд и чуть не задохнулись, так из их квартиры воняло. В доме давно отключили канализацию, воду, электричество, а Водопьяновым море по колено, они из одной комнаты сортир сделали – пол частично разобрали и туда нужду справляли.

– Кошмар, – поморщился я. – Понятно, снимаю свой вопрос. И кто же нашел тело?

Макс потер затылок.

– Рабочие. Пошли по этажам, проверяя, нет ли в квартирах бомжей – бездомные ведь часто живут в домах под снос, могут погибнуть, когда разбор здания стартанет, – и в коммуналке под крышей увидели на кровати останки, вызвали полицию. На тумбочке лежало письмо: «Я устала жить. Я очень больна, на лечение нужны деньги, а их нет. Больше не могу. Свою новую квартиру завещаю Ольге Михайловне Светловой. Пусть она меня за это красиво похоронит. Ирина Вениаминовна Вилкина». В кармане ее куртки обнаружилась твоя визитка.

– Я давал карточку Ирине, – подтвердил я. – Всем посетителям их вручаю, не скрываю контакты – живу за счет клиентов и заинтересован, чтобы их стало больше.

Воронов опять схватился ладонью за затылок, пояснив:

– Голова болит... – И продолжил: – Следователь, которому начальник районного отделения приказал разобраться в произошедшем, мой бывший коллега, начинали с ним вместе работать, до сих пор дружим. Да ты его знаешь – это Глеб Филлов.

Я напряг память.

– Толстый, лысый, любитель рассказывать не особенно смешные анекдоты.

– Верно, – кивнул Максим. – У Глеба беда с чувством юмора, но он отличный парень, исповедует принцип: друг моего друга – мой друг. Филлов сразу позвонил мне и попросил узнать у тебя, имел ли ты дело с Вилкиной.

– Значит, Константин не дал сестре денег, – расстроился я. – Это стало для нее тяжелым ударом, психика не выдержала...

– Глупо травиться из-за того, что родственник оказался черствым человеком, – поморщился Воронов.

– Она приняла яд? – уточнил я.

– Наглоталась таблеток, понижающих давление. Выпила целую упаковку, на тумбочке у постели лежали пустые блистеры, стояла бутылка из-под воды. Вот, посмотри снимки с места происшествия.

Я начал разглядывать фотографии и еще больше пожалел Ирину. Ну почему некоторым людям не везет с самого детства? Вилкина рано потеряла отца и мать, очутилась в детдоме и закончила свои дни в убогой каморке в общей квартире.

Комната ей досталась метров десять, не больше, туда еле-еле влезли узенький диван, маленькое кресло, холодильник размером с кошку. На стене была прибита полка, на которой сидела кукла в выцветшем платье. Стало понятно, что игрушке много лет, но о ней заботятся – светлые синтетические волосы аккуратно заплели в косы и перехватили внизу яркими резинками, одежду пупса, похоже, регулярно стирали и гладили. Скорее всего, это талисман, напоминание о счастливом детстве, когда у покойной были живы мама и папа.

Вероятно, кукла – подарок родителей на день рождения или Новый год. Еще в помещении стояла палка с крючками, исполняющая роль вешалки, на ней висело совсем немного одежды. Ира явно не принадлежала к числу женщин, которые покупают к каждому платью сумочку. А из обуви у нее были лишь сапоги и черные туфли.

Я спросил:

– Это фото было сделано после того, как труп унесли?

Воронов взглянул на снимок.

– Да. Ты же видишь, тела нет.

– Что-то еще там убрали? – спросил я.

Макс встал и включил кофемашину.

– До съемки? Нет.

– Иногда из квартир одиноких покойных пропадают вещи, – осторожно продолжил я. – Не хочу никого обвинять, но порой сотрудники «Скорой» или люди, увозящие труп, те же полицейские, могут стащить часы, кольцо, деньги...

– Случается такое, – не стал спорить друг. – Но у Вилкиной нечего было тащить. И в помещении стоял очень сильный специфический запах, им там все пропиталось. Ваня, я один раз работал в подвале около таких же останков и чуть не сдох, потом сдал рубашку и брюки в химчистку. Но даже после обработки не смог носить одежду, выкинул ее к черту, казалось, что она воняет. Кем надо быть, чтобы спереть хоть нитку в этом аду?

Я начал рассматривать другие снимки и пробормотал:

– Допустим, запойным пьяницей, бомжом, наркоманом, у которого в пустой голове бьется исключительно одна мысль: где взять денег на очередную бутылку или дозу?

Макс, который в этот момент подносил ко рту полную кружку кофе, расплескал его на стол.

- Полагаешь, из комнаты что-то пропало?

- Есть опись того, что принадлежало Ирине? – задал я свой вопрос.

Воронов оторвал кусок бумажного полотенца и стал промокать лужицу.

- Конечно, она в папке.

Я вытащил несколько листков, соединенных скрепкой. Так, что тут у нас? Кровать, одеяло, подушка, матрас... Две чашки, три ложки, одна вилка, нож, чайник со свистком, кастрюля пол-литровая... Чем дальше я изучал список, тем сильнее жалел Ирину. У девушки даже не нашлось денег на второй комплект постельного белья, похоже, она стирала загрязнившиеся наволочку-пододеяльник и ждала, пока те высохнут, чтобы снова застелить кровать. У нее был минимальный набор посуды, кусок самого дешевого мыла, зубная щетка и копеечная паста. Никаких кремов, пудры, помады, туши. И уж совсем плохо обстояло дело с одеждой. На вешалке обнаружили короткий пуховик китайского производства с капюшоном, черные джинсы, темно-фиолетовый свитер, две футболки: голубую и розовую. Все. Единственной дорогой вещью можно считать тонкую витую цепочку с крестиком, которые оказались золотыми.

Я положил список перед Вороновым.

- Тебя ничего не смущает?

- Нет, – удивился Макс.

- Не видишь ничего странного? – не отставал я.

- Ну... нищая она, – после небольшой паузы произнес друг.

- И все? Прочитай внимательно опись, – велел я.

Глава 4

– Ваня, – устало сказал Макс, – если ты заметил что-то необычное, скажи. У меня третий день башка раскалывается, таблетки ем-ем, а толку ноль.

Я пристально посмотрел на друга.

– Мда, ты не очень хорошо выглядишь. Сам бледный, глаза красные. Какое у тебя давление?

– Понятия не имею, – отмахнулся Макс. – Да нет, я здоров, ни кашля, ни насморка, просто работы океан. А тут еще Глеб со своей просьбой... Говори, что тебя смутило?

Я постучал пальцем по одному фото.

– Одежда. Ее очень мало.

Макс встал и двинулся в сторону кофемашины. Я попытался его остановить.

– Если мучаешься мигренью, не стоит в таком количестве пить эспрессо.

Воронов поставил кружку в углубление и нажал на кнопку.

– Мозг как в тумане, и тот не хочет рассеиваться. Ты прав, шмоток у Вилкиной мало, но было бы странно обнаружить в комнатухе нищенки обширный гардероб с шубами.

– На дворе июль, – сказал я, – жарко, а из обуви у нее лишь сапоги и осенние туфли на толстой подошве. Маловероятно, что Ирина летом ходила в таких, у нее определенно было нечто более легкое: босоножки, кроссовки, на худой конец вьетнамки. Да, бедолага нуждалась, но она точно приобрела себе что-нибудь летнее. Теперь изучи вешалку. На ней представлен полный зимний лук: куртка, свитер, джинсы плюс уже упомянутая теплая обувь. Все это уместно носить с ноября по март. Причем, несмотря на скудность гардероба, составлен

он умело. Видишь на пуховике с внутренней стороны молнию?

- И что? - удивился Макс.

Я пустился в объяснения.

- Куртка на теплой подкладке, ее легко отстегнуть, и тогда вместо зимнего варианта получается наряд для весны и осени. Следовательно, в марте-апреле Ирине было что носить. Конечно, многое зависит от погоды, но она могла трансформировать куртку в демисезонную, надеть вместо сапог туфли. А что с летом? Перед нами две футболки. Где юбка? Где какие-нибудь сандалии? Все это можно приобрести в секонд-хенде, найти там самый дешевый вариант. Между прочим, владельцы некоторых комиссионных порой отдают совсем уж никому не нужное шмотье даром. Сам подумай, июнь в этом году выдался теплый. Не гуляла же Ира по улицам в одной майке, с голой попой и босиком?

- У нее были джинсы, - заспорил Воронов.

Я повернул к нему снимок.

- Присмотрись, брюки черные с клетчатыми отворотами, внутри ткань не джинсовая.

- Дай лупу, - потребовал друг и сам схватил ее с письменного стола. - Да у тебя глаза кролика, Ваня!

- Я считал обладателем наиболее острого зрения орла, - удивился я.

- Недавно по телику рассказывали про длинноухих, - пробормотал Воронов, уставившись в увеличительное стекло, - и там один биолог утверждал, что наши российские зайцы самые зоркие из всех зверей.

- Россия - родина слонов, - усмехнулся я. - Помнишь этот старый советский анекдот?

- Угу, - буркнул Макс. - А ты прав, с изнанки-то штаны иные!

– Это подкладка, – кивнул я. – Сразу заметил: зимние штаны, в таких в мороз не замерзнешь. А летом в них никому в голову не придет щеголять – вмиг вспотеешь.

– Впервые такие брюки вижу, – протянул Воронов. – Для мужиков что-то похожее шьют? Я бы себе приобрел.

– Да, – улыбнулся я, – зайти в магазин, подберут нужное. И даже кроссовки нынче производят на меху. Ты здорово отстал от моды.

– Зато, смотрю, Иван Павлович Подушкин начал в ней разбираться, – хохотнул Максим. – Ты произнес слово «лук». Я не совсем понял, какое отношение этот овощ имеет к шмотью?

– «Лук» на фэшен-суахили означает «комплект одежды», – снисходительно пояснил я.

Макс хлопнул ладонью по столу.

– Ваня, признавайся, у тебя любовница – главред гламурного журнала?

Я постарался не измениться в лице.

– На данном этапе жизни я не состою в серьезных отношениях, о которых стоит рассказывать.

В ту же секунду мой мобильный издал гудок паровоза. Воронов покосился на трубку и засмеялся:

– Твои несерьезные отношения прислали эсмэску: «Любимый, жду в нашем кафе. Зайка».

Я схватил телефон.

– Черт, ее выпустили! Это Настя!

Макс опять пошел за кофе.

- Психопатка, решившая выйти за тебя замуж?

- А кто еще? - вздохнул я. - Муж уложил ее в психиатрическую клинику, но, похоже, врачи посчитали лечение законченным. Супруг Насти оказался нормальным парнем, я не первый принц, в которого его жена влюбилась и стала преследовать. Другой бы бросил такую особу, но Сергей Нечаев пытается ее вылечить[2 - О том, как Иван Павлович познакомился с Настей, рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Судьба найдет на сеновале», издательство «Эксмо»].

- Судя по этому сообщению, доктора не особенно помогли Анастасии, - констатировал друг.

Я решил сменить тему:

- Одним словом, у Ирины должны были быть летняя юбка или брюки. Теперь посмотри на другой снимок. Тут в чемодане лежат темно-коричневые колготки, черный лифчик, набор трусиков «неделяка», причем одни штанишки отсутствуют, и несколько книг. Вопрос: где белый бюстгальтер и белые же трусики-«семидневки»?

Макс открыл шкафчик и начал копать на полках.

- Ваня, где сахар?

- Забыл купить, - признался я. - Меня внезапно покинула домработница, именно она заботилась о припасах.

Воронов захлопнул дверцу.

- Любой вопрос, как правило, имеет простой ответ. Не нашлось дома рафинада? Не стоит выдвигать версии про врача, который запретил Подушкину сладкое, думать, что у Ивана Павловича диабет или что он состоит в обществе «Долой белую смерть». Все просто: нерадивый хозяин не удосужился зарулить в магазин. Так и тут: лифчик Ирина оставила у любовника. Может, он женат, супруга некстати вернулась, и девушке пришлось спешно удирать. Я один раз

в такой ситуации носки забыл. А Вилкина могла вообще не носить бельишко.

– Раздеваясь у дамы сердца, всегда клади интимные предметы туалета в карман брюк, – посоветовал я. – А теперь посмотри на черный бюстгальтер. Похоже, у Ирины был примерно четвертый размер, такая грудь без поддержки выглядит не очень эстетично. И черное-то белье на месте!

– Вот она его и таскала, – выпалил Воронов. – Никак не пойму, куда ты клонишь?

Я решил прочитать ему лекцию о женских привычках.

– Бедная девушка, которая может себе позволить только крайне необходимые вещи, купит исподнее телесного цвета, подходящее к любому наряду. Черное под нежно-розовую футболку не наденешь. Обрати внимание, трусики-то светло-бежевые. Кстати, повторяю: куда делись белые? Макс, сложи вместе все факты: нет летней обуви, юбки, отсутствует комплект белья... И еще заметь: бюстгальтер на фото – не самый бюджетный вариант – кружевной, между чашками бабочка из стразов. Ну-ка...

Я взял лупу.

– Фирма «Вингс». Найди ее официальный сайт в Интернете и глянь, сколько стоит этот артикул.

Воронов послушно открыл ноутбук, через минуту доложил:

– Французская марка, существует более тридцати лет... О! Модель «Соблазн» – двести пятьдесят евро. Ничего себе! А по виду дешевая ерунда.

Я промокнул заслезившиеся глаза платком.

– Украшения со стразами удорожают лифчик. Возможно, это подарок, Ирине самой такой не купить. Теперь обрати внимание на золотой крестик, снятый с шеи трупа. Вилкина нищенствовала, поэтому могла продать его с цепочкой и выручить неплохую сумму, он не из дешевых. Но Ирина с ним не рассталась. Еще глянь, какие книги хранились у нее в чемодане.

– «Рассказ об истинной вере», «Любовь к Христу», «Иисус любит тебя», – перечислил Макс. – Только это дешевые брошюры на газетной бумаге, а не хорошие издания.

– Думаю, она их не покупала, а брала в церкви даром, – предположил я. – Похоже, Вилкина была верующей, а такая девушка побоится уйти из жизни добровольно, ведь суицид – страшный грех. Возможно, в убогой комнате нашли не Ирину Вилкину.

– А кого? – спросил Макс.

Я открыл шкафчик и вздохнул:

– Ну вот, я чай забыл купить... Хороший вопрос, жаль, ответа на него не дам. Полагаю, что Ира, облачившись по-летнему, ушла из дома, поэтому нет легкой одежды и обуви. Кстати! Где ее сумочка? В описи она не указана.

Воронов вытащил из кармана льняного пиджака блистер, выщелкнул из него таблетку и отправил в рот.

– Возможно, она без ридикюля обходилась.

Мне стало смешно.

– Ты хоть раз встречал девушку, которая рассовывает мелочи по карманам? Или таскает их в кулаке?

– Ну... нет, – без особой охоты признал Воронов.

– Золотой крестик, книги божественного содержания... – не успокаивался я. – Короче, умер кто-то другой. Например, Ира могла пустить переночевать подругу.

– А та решила отравиться и оставила записку от лица хозяйки комнаты, – хмыкнул Воронов.

– Ты уверен, что письмо составила Вилкина? – прищурился я. – Если мы предположим, что это тело неизвестной, то куда подевалась Ирина? В комнате

остались ее вещи. Больших денег у сироты нет, посему она, уезжая навсегда, непременно бы все прихватила. Может, кто-то хочет убедить нас в смерти Вилкиной? Ирине же дали новую квартиру. Что она делала в клоповнике? Почему решила покончить с собой в этом убогом месте? Макс, которую по счету пилюлю ты сегодня пьешь?

- Не считал, - отмахнулся приятель, - четвертую или пятую.

Я отнял у него упаковку.

- С ума сошел? Тут написано: не более трех штук в сутки с перерывом не менее шести часов.

- Ерунда, - снова легкомысленно отмахнулся Макс. - Погода меняется, дождь собирается, вот и сдавило голову.

Мне стало тревожно.

- Ранее я не замечал у тебя метеозависимости.

- Все когда-нибудь случается впервые, - улыбнулся Воронов. - Ваня, не в службу, а в дружбу, помоги Глебу. Заплатить за услугу не предлагаю, ты все равно у меня денег не возьмешь.

Глава 5

- Правильно мыслишь, - согласился я, - на друзьях я не зарабатываю.

Макс опять потер затылок и вдруг завел рассказ.

- Много лет назад нас с Филовым, когда мы были салагами, отправили в засаду у дома сбежавшего из мест заключения преступника. Задание казалось ерундовое, ничего сверхъестественного от только что оперившихся сотрудников начальство не требовало, основной работой по делу занимались опытные

ребята. Мы с Филовым только сидели в машине, фотографировали тех, кто входит в подъезд. Аппаратура тогда была не фонтан, и я предложил переместиться чуть ближе к двери. Глеб занервничал: «Надо стоять где велено, нельзя самовольничать». «Но можно ведь проявить творческую инициативу, – возразил я. – А то нас же потом за плохое качество снимков отругают».

Филов все же согласился, мы нарушили приказ и припарковались в другом месте, там, где указал я.

Глеб сидел за рулем, я снимал. Вдруг он бросился на меня, толкнул на сиденье, а сам упал сверху... И тут раздался звук «чпок!». Одним словом, Глеб спас мне жизнь, я остался невредимым, а вот ему пуля вошла в шею. Конечно, начальство устроило разбор полетов, нас спрашивали, какого черта мы изменили дислокацию. Я испугался, что лишусь работы, бубнил что-то невнятное и после первого допроса угодил в больницу – нервы сдали. Очень молодым был, неопытным, глупым. Врачи запретили допрашивать меня, но ко мне ночью тайком пробрались ребята из отдела и рассказали, что Глеб всю вину взял на себя. Филов сидел за рулем, считался в нашей паре старшим, и когда его спросили: «Кто велел встать ближе к подъезду?», ответил: «Я». Короче, спас меня дважды, сначала от смерти, потом от позорного увольнения. Самого Филова оставили на службе из-за того, что он ради товарища рискнул жизнью. За такой подвиг раньше награждали, могли квартиру дать, а Глебу сказали: «Будь доволен, что не выперли».

– А что с его ранением? – поинтересовался я.

– Пуля попала в такое место, куда в то время врачи лазить не умели. Так Глеб с куском железа и живет. Пару лет назад он пошел на диагностику, и врач его успокоил: «Опасности нет, инородное тело покрылось соединительной тканью, лучше операцию не проводить». А три месяца назад Филов подцепил грипп, угодил в клинику с осложнением. Провалялся пару недель, вышел на службу, и что-то с ним произошло. Начал сильно уставать, задыхаться, врачи вспомнили про пулю, решили, что это из-за нее, предложили убрать ее, но честно предупредили: «Это большой риск. Лучше вам сменить работу, климат, хорошо бы поселиться на море, тогда при условии нормированного рабочего дня без стрессов здоровье наладится».

– Отличные рекомендации полицейскому, – хмыкнул я.

Макс поморщился.

– Да уж. А дальше было вот что...

Глебу неожиданно повезло – он вытащил из беды мажора, которого обвиняли в наезде со смертельным исходом. Филов понятия не имел, чьим сынком тот является, но не поленился провести все экспертизы и узнал: пьяница, оказавшийся под колесами, умер до того, как по нему проехал автомобиль, он уже лежал мертвым на дороге. Парня отпустили, а через два дня к Глебу нагрянул его родитель, крупный промышленник. Он был откровенным:

– Сын меня достал, вечно в неприятности вляпывается. Мать над ним тряслась, любая самостоятельность мальчишки на корню пресекалась, вот и не научился пацан думать. Двадцать пять лет обалдую, а ему горничные шнурки завязывают. Когда его за сбитого мужика замели, я конкретно сказал: «Усе, нехай сам выворачивается. Надоел. Виноват? Значит, сядет. Ничего, на зоне повзрослеет». Жена в рев: «Найми ребенку лучшего адвоката!», а я ей дулю под нос!

– Колония не лучшее место для такого юноши, – возразил Глеб, – его там опустят, убить могут. И парень-то совсем не виноват: ехал с небольшой скоростью, алкоголь-наркоту не употреблял, правил не нарушал, полицию сам вызвал, не удрал с места происшествия. Темень стояла, вот он тело на дороге и не заметил. А то, что сын инфантильным вырос, не его, а ваша вина. Не стоило мальчика в бабские руки отдавать!

Олигарх насупился, потом сказал:

– Ваще-то со мной не спорят.

– Это плохо, – не замедлил с ответом Филов. – Начнет корона на уши сползать, вовремя не узнаете.

– Во! Ты-то мне и нужен! – обрадовался богач. – Я надумал отправить своего обалдуя в Марджебу. Это остров в океане, я у них пальмовое масло закупую, офис там держу. Решил сына начальником местного отделения сделать. Но ему нужен соглядатай. Оформлю тебя начальником охраны, жить будешь в хорошем доме. Жена есть?

Глеб кивнул.

– Возьмешь бабу – и в самолет, – скомандовал олигарх, не сомневавшийся, что полицейский согласится. – Ну, я пошел. С тобой соединятся.

Прошла неделя, Филов забыл о беседе с денежным мешком, и тут его вызвало начальство. Едва он переступил порог, как шеф прошипел:

– Решил на теплом океане порыбачить? Заявление об увольнении писать собрался? Ты балласт моего отделения! За всю жизнь никакой раскрываемости, занимаешься ерундой, за которую нормальным ребятам братья неохота. Подфартило дураку! Знать бы, чей сынок на жмурика наскочил, я бы сам рукава засучил. Короче, великий детектив, никуда тебя не отпущу, пока с текучкой не разберешься. Твой благодетель с генералом говорил, просил, чтобы с Глеба Филова не позже чем через два месяца погоны сняли. Вот и паши конем. Не успеешь все закончить? Сам виноват, никуда не поедешь! Олигарх другую няньку своему дебилу найдет. Ишь, намылился на острове кайфовать...

– Неприятный человек, – пробормотал я, – завистливый.

Макс вытер салфеткой вспотевший лоб.

– Ага. Сунул босс Глебу кучу папок, и тот понял: одному ему не справиться. В отделе постоянная текучка кадров, он единственный там много лет борону тянет.

– Таких сотрудников надо поощрять! – возмутился я.

– Прежний шеф к Филлову хорошо относился, да он на пенсию ушел, а новый тут же на старейшего сотрудника нож наточил, – пояснил Воронов. – Глеб сам виноват. Понимаешь, нынешний полководец к полицейской работе раньше отношения не имел, сидел в какой-то фирме, фиг знает чем занимался, но удачно женился на дочери одного крупного чиновника в нашем ведомстве, и тесть решил зятю карьеру строить. И что? Свежеиспеченный начальничек, едва в кабинете воцарился, сразу глупостей наделал. Подчиненные между собой гудели, а на совещаниях молчали, надеялись, что болвана скоро повысят, – ну не оставит же добрый «папочка» «сыночка» на земле, отделение для него – просто старт. В общем, люди по углам шептались, а Филов на собрании встал

и при всех речь двинул, суть ее вкратце такова: если не умеешь работать, не знаешь элементарных вещей, спроси у народа, тебя научат.

- Опрометчиво, - вздохнул я.

- Глеб не дипломат, - продолжал Макс. - Шеф, конечно, на него злобу затаил, надавал ему «дохлых» дел и потребовал раскрытия. Орал: «Из-за таких, как вы, в стране криминальные личности бал правят. У меня сотрудников не хватает, никуда тебя не отпущу». Филову служба на острове жизненно необходима, ему же с его ранением именно такой климат рекомендовали, а начальничек, с ручкой чайничек, подгадить ему решил. Не подпишет его заявление об увольнении, богатый папаша другого поводыря своему Митрофанушке найдет, и тогда босс Филова турнет, да еще с плохой характеристикой, напишет, что он с работой не справлялся.

- Твой друг может уйти по болезни, - подсказал я. - У него ведь пуля в шее!

Макс вскинул брови.

- Ваня, все, кто знал ту давнюю историю, давно на земле не пашут, кое-кого уж и в живых нет. Новый шеф всего четыре месяца как пришел, состоянием здоровья подчиненных не интересовался. А врачи считают Глеба в принципе годным к службе. Но если до завистливого босса весть о ранении дойдет, он живо эту инфу олигарху сольет.

- Понял, - кивнул я, - есть риск, что богач может не нанять мужика с проблемой. Возможно, олигарх и не обратит внимания на старое ранение, но лучше не светиться, то есть по болезни не уходить.

- Сам понимаешь, я обязан Глебу помочь, - не утихал Макс. - Пришла пора долг оплатить, вот я и впрягся вместе с Филовым в работу. Начальничек ему три «висяка» подсуропил, с двумя мы лихо разобрались, за пять дней оба раскрутили. Там вообще ничего сложного не было, просто в отделении настоящих профи не осталось. Новый шеф тех, кто умнее его, выпер и набрал разного рода кретинов, чтобы на их фоне светочем разума выглядеть. Теперь у Филова одно дело Вилкиной осталось, но меня отправляют в командировку, а у Глеба, как и у тебя, сомнения возникли, не верит он в суицид. Чуйка, говорит, сработала. Глеб честный, аккуратный исполнитель, совсем не генератор идей,

но идеальная вторая лошадь в паре, будет тянуть телегу днем и ночью. Но ему обязательно надо с кем-то в упряжке скакать.

- Однако чуйка у него есть, - отметил я.

Макс вздохнул.

- Иногда просыпается, правда, очень редко. Уж помоги ему, а? Мне утром улетать, один Филлов не справится. У тебя же пока нового клиента нет.

Мне совершенно не хотелось выполнять просьбу Макса, но дружба обязывает.

- Глеб прекрасно выполнит черновую работу, - продолжал агитировать меня Воронов. - У него приятель в техподдержке работает, любую инфу из компьютера выловит. Твоя задача - идеи. Ваня, ты у нас гений! Вот я не обратил внимания на шмотки, не подумал про книги в чемодане, а ты сразу стойку сделал. Пожалуйста, очень прошу...

Макс замолчал. Потом то ли кашлянул, то ли всхлипнул и - упал головой на стол.

В первую секунду я растерялся, потом бросился к нему:

- Тебе плохо?

Макс не шевелился.

Я схватил телефон и набрал номер «Скорой».

- Слушаю, - через секунду отозвался диспетчер-мужчина.

- Моему другу плохо, он потерял сознание! - закричал я. - Пришлите врача побыстрее, запишите адрес...

- Откройте подъезд, если он заперт, бригада выехала, - ответил парень.

Я кинулся вниз, распахнул парадное, услышал надсадный вой сирены и увидел желтый автобус с надписью «Реанимация». Несмотря на тревогу, в душе возникло удивление: ну и ну, не успел я повесить трубку, а медики уже тут!

Из мини-вэна быстро выбрались четверо молодых мужчин в куртках с надписью «Скорая помощь», двое начали споро вытаскивать носилки. Похоже, на моем лице отлично читались все обуревавшие меня эмоции, потому что один из прибывших пояснил:

– Повезло вам. Из соседнего дома ехали, там ложный вызов был. Не переживайте, у нас есть все необходимые лекарства и лучшая аппаратура. Где больной?

Я опомнился и побежал к лифту.

Глава 6

– Острое нарушение мозгового кровообращения, – сказал доктор, выглядывая в холл, где я маялся от неизвестности.

Мне захотелось перекреститься.

– Какой прогноз?

– Увозим господина Воронова в больницу, – ответил медик, – в военный госпиталь имени Боренко, там лучшее отделение по инсультам.

– Можно мне с вами? – засуетился я.

– Нет, – отрезал эскулап, – вы только помешаете. В больнице ваше присутствие ни к чему, в отделение интенсивной терапии посторонних не пустят. Звоните в справочную, там вас проинформируют о состоянии больного.

Из комнаты выдвинулись двое парней с носилками. Макс лежал с закрытыми глазами, изо рта у него торчала трубка, к которой присоединялся надутый мешок. Рядом с головой моего друга шагал еще один медработник, правой рукой ритмично сжимая тот самый мешок, а в левой держа капельницу с прозрачным раствором.

Меня стало потряхивать. Один раз я уже видел подобную сцену – тогда из этой квартиры уносили Элеонору, и диагноз у моей хозяйки был такой же. Но немолодая женщина, услышав, что врач пророчит ей скорую смерть, открыла глаза и сложила из трех пальцев известную комбинацию. Доктор поразился, а я же сразу успокоился, вспомнив, что Нора никогда не сдается. И ведь действительно хозяйка поборола инсульт, полностью восстановилась, вернулась к работе и прожила еще не один год. Элеонора была боец. Она никогда не пасовала перед испытаниями, плевала на все законы, могла дать болезни в ухо. Но справится ли с напастью Воронов?

Я вцепился в носилки и зашептал:

– Макс, не волнуйся, я сделаю все, о чем ты просил. Выздоровливай! Завтра приду тебя навестить, принесу твои любимые бананы.

– Отойдите, – скомандовал один из медиков, – не мешайте.

Я отскочил к стене. Процессия вышла на лестницу и направилась вниз, я кинулся следом.

Носилки ловко впихнули в чрево микроавтобуса. Мне, неотрывно наблюдавшему за происходившим, стало видно, сколько разной аппаратуры находится внутри машины. Из груди вырвался вздох облегчения: если Воронову станет хуже, у этих врачей под руками есть все необходимое. Доктор и двое молодых мужчин устроились около больного, четвертый пошел к кабине. Открыв пассажирскую дверь, он неожиданно обратился ко мне:

– Не надо завтра посещать больного – только потратите время на дорогу и поцелуете закрытую дверь отделения реанимации. И бананы Воронову долго не понадобятся. Просто звоните.

Мини-вэн завыл сиреной, замигал маячками и исчез из вида. Я прилип к асфальту, меня словно придавило бетонной плитой.

Сколько времени я провел в оцепенении? Не спрашивайте, не знаю. Из состояния ступора меня вывел телефонный звонок.

- Добрый день, - прохрипел незнакомый баритон, - позовите Подушкина.

- Слушаю, - сдавленным голосом произнес я.

- Ваш телефон мне дал Максим Воронов, - завел незнакомец.

Бетонная плита испарилась.

- Вы Глеб Филлов?

- Так точно.

- Нам нужно поговорить.

- Куда и когда подъехать? - деловито осведомился собеседник.

- Можем пообщаться в моем офисе, он в центре. Или в любом удобном для вас месте, - предложил я. И тут же услышал:

- Через час прикачу, говорите адрес.

Завершив беседу, я собрался, раз уж нахожусь на улице, сходить в супермаркет за сахаром, чаем и еще кое-какими мелочами, медленным шагом двинулся в нужную сторону, но тут в кармане опять запищала трубка. На сей раз меня разыскивала Николетта. Обычно я всегда отвечаю на ее вызовы: если не откликнуться, маменька примется названивать, так что лучше отозваться сразу. Это как визит к дантисту - чем раньше пришел, тем быстрее забудешь про больной зуб. Но сейчас мне категорически не хотелось беседовать с ней, перед глазами стояли носилки с безвольно лежащим на них Максом. Я запихнул мобильник в карман и вдруг услышал резкий, напоминающий скрежет ножа по стеклу женский голос:

- Вава! Немедленно отзовись!

Я вздрогнул, достал продолжавшую пищать трубку и уставился на нее.

- Вава! Что за глупость ты затеял? - злилась маменька.

Я потряс головой. Как это возможно - я никак не реагирую на вызов, на экране мигает слово «Николетта», а она со мной беседует?

- Хватит идиотничать! Задери голову!

Я подчинился и увидел маменьку, она стояла на крыше дома на террасе, выход на которую был из моей квартиры.

- Вава, немедленно сюда! - прозвучал новый приказ.

Я нажал на экран по-прежнему пищущей трубки.

- Прости, я очень тороплюсь.

- Отказываешься спасти умирающего человека?

Я опять посмотрел на самый верх дома. Николетта не выглядела больной, а слова про свое спасение она произносит всякий раз, когда вы пытаетесь поступить по-своему, а не так, как ей хочется.

Слева послышался вой сирены, к подъезду подкатила «Скорая», обычный микроавтобус белого цвета. Из кабины, тяжело вздыхая, выползла полная женщина лет пятидесяти и стала надсадно кашлять. Следом за ней из колымаги вывалилась другая тетушка с чемоданчиком в руке.

- Эй, эй! - заорала с верхотуры матушка. - Сюда, скорее! Все уже умерли, пока вы сутки на вызов торопились!

Толстуха перевела дух и поманила рукой медсестру.

- Пошли, Машуня. Повезло нам опять, очередная скандальная крыса.

- Наплюйте, Елизавета Михайловна, - попыталась утешить ее Мария, - делайте свое дело спокойненько, я возьму придурочную на себя, умею с ними общаться.

Медички медленно потащились в подъезд. Я пошел за ними, испытывая легкое волнение. Сейчас поясню, почему именно волнение и к тому же легкое, а не серьезную тревогу за жизнь матушки.

Если кто-то категорически не подчиняется Николетте, не собирается выполнять ее приказ, маменька обычно падает на диван и громко заявляет:

- Инфаркт. Я умираю.

Мне было лет пять, когда я впервые стал свидетелем такой сцены и перепугался до заикания. Прикатившие доктора, накапав матери валерьянки, занялись мной, сделали несколько уколов. На следующий день отец принес замечательную пожарную машину и сказал мне:

- Ваняша! Твоя мамочка - актриса, она играет в театре, у нее очень тонкие нервы. Любую неприятность или физическую боль Николетта переживает в тысячу раз сильнее, чем обычные люди. Ты, дружок, больше не рыдай, мамочка совершенно здорова и проживет долго-долго.

С тех пор я перестал впадать в панику, увидев на пороге людей в белых халатах.

Николетта проделывает трюк со звонком диспетчеру «Скорой» исключительно в качестве последнего аргумента в разговоре с кем-то, ей, как всякой артистичной натуре, необходим зритель. Но сейчас-то она в квартире одна, поэтому я все-таки заволновался. Вдруг матушке на самом деле нехорошо? Возраст-то у нее далеко не юный...

- Явились! - зашумела Николетта, распахивая дверь. - Месяц ехали! Безобразия!!!

- Уж простите нас, - запела Маша, - вызовов много, пробки адские, как ни стараемся, быстрее не получается.

– И мерзавцев на шоссе тьма, – мрачно добавила Елизавета Михайловна, – едут в левом ряду, машину со спецсигналом не пропускают. Ну ничего, когда-нибудь сами в ней окажутся и поймут, каково это – с инсультом еле-еле в реанимацию тащиться. Бог справедлив, каждому воздается по делам его.

– Хватит болтать! – незамедлительно разозлилась маменька. – Он в комнате.

– Кто? – изумился я.

– Борис, – фыркнула Николетта.

Я, совершенно забывший про незнакомого мужчину, поспешил в гостиную и оторопел. За то время, что мы с Максом беседовали, помещение разительно изменилось. Теперь оно напоминало будуар – повсюду пуфики, мягкие кресла, журнальные столики, ковры, на стене большая лазерная панель, на двух окнах розовые бархатные занавески, а третье пока «голое». На полу возле батареи сидел Борис, его правая нога была вывернута странным образом.

– Что случилось? – устало спросила Елизавета Михайловна, появляясь за моей спиной.

– Вешал гардины и упал с лестницы, – ответила Николетта. – Полное безобразие!

– Простите, я виноват, – прошелестел Борис.

Доктор бегло осмотрела его и живо поставила диагноз:

– Перелом. Надо в больницу.

– Как? – подпрыгнула маменька. – Зачем?

– Ваш муж ножку травмировал, – зачирикала Маша, – нужно рентгенчик сделать, гипсик наложить. Не переживайте, отвезем его в хорошую клинику. Полис есть? Сделайте одолженьице, принесите страховку. Не торопитесь, мы подождем, опасности для жизни вашего любимого нет. Правда, Елизавета Михайловна?

Врач сделала быстрое движение головой, села в кресло, вынула какие-то бумаги, открыла рот, но не успела ничего произнести – ее перебила Nicolette, взвизгнув:

– Он мне не муж! Разве не видно, что такая женщина, как я, никогда не свяжет свою судьбу с таким, как он? Борис – батлер.

– Поняла, – бормотнула доктор, – имя Борис, фамилия Батлер, подскажите отчество, год рождения, адрес по прописке...

– Мое имя – Борис Иванович Кузнецов, – простонал дядька.

Врач усомнилась.

– Уверены? Только что я услышала Батлер.

– Это не фамилия, а моя профессия, – объяснил Борис.

– Впервые слышу, – удивилась Мария. – Это кто такой?

– Батлер – это батлер, – гениально ответил пострадавший.

– Он выполняет все мои приказы, – заявила Nicolette. – Откуда вы приехали, если никогда про батлеров не слышали?

Я решил дать свое объяснение:

– Батлер един во многих лицах. Этот человек – камердинер, помощник, управляющий, который следит за остальной прислугой, всегда находится рядом с хозяином, умеет предугадывать его желания. Батлеру не надо каждый день напоминать, что нужно поставить в вазы цветы, причем он помнит, что у членов семьи аллергия, например, на лилии. Батлер может добыть билеты на любой рейс за час до вылета самолета, купить вам платье, которого нет ни в одном магазине, всегда постелет в машине плед, чтобы хозяйка не замерзла, без напоминания откроет форточку, если вы любите свежий воздух, и, наоборот, законопатит все щели, если вы предпочитаете духоту. Батлер прекрасно готовит, умеет оказывать первую помощь, делать уколы, профессионально

водит машину, говорит минимум на двух иностранных языках, часто имеет диплом психолога. Батлер всегда рядом, но вы его никогда не замечаете, он тень, которая держит язык за зубами. Батлер любит хозяев и готов ради них прыгнуть в огонь.

Глава 7

– Представляю, сколько ему платят, – вздохнула Маша.

Из коридора послышался лай, в комнату внеслась собачка. Елизавета Михайловна взвизгнула:

– Уберите животное!

– Брутик, иди к маме, – засюсюкала Nicolette.

Псина даже ухом не повела.

– Людовик... э... Моцарт... фон... – я попытался вспомнить имя барбоса, – Калигула... Сартр...

– Людвиг Ван Иоганн Вольфганг Цезарь Брут Ницше, – позвал Борис.

Пес прыгнул к нему на руки.

– Вот видите? Без него даже собачье имя не вспомнить! – топнула ногой маменька. – Лечите перелом дома.

– Невозможно, – отрезала доктор.

– Милейшая, я заплачу сколько хотите, – снисходительно заметила Nicolette.

– У меня глаз не рентген, – огрызнулась врач. – И даже если всю конечность пострадавшего сто долларовыми купюрами заклеите, она не зарастет, нужен

гипс, а его накладывают только в медучреждении.

– Я видела в кино, как к ноге дощечки приматывают, – задумчиво протянула маменька. – Вава, найди живенько ящик из-под апельсинов, и проблема будет решена.

– Такого даже я ни разу не слышала, – вышла из себя Елизавета Михайловна. – Женщина, вы в своем уме? Вставайте, Борис Иванович, идите в машину!

Я посмотрел на врачиху, только что упрекавшую Николетту. «Вставайте»? «Идите в машину»? Однако отличное предложение человеку со сломанной ногой.

– Мне плохо! – завопила маменька, хватаясь за шею. – Отек начинается! Астма!

Я опустил глаза. Астма? У госпожи Адилье новый диагноз? Обычно у нее инфаркт.

– Звоните в «Скорую», – буркнула врач.

– Но вы уже тут! – разозлилась Николетта.

– Мы приехали по другому вызову, – не сдалась Елизавета Михайловна.

– Борис, разберись! – разъярилась маменька. – Хватит сидеть на полу и ничего не делать!

– Идите в машину, – повторила батлеру свой приказ доктор.

Я кашлянул.

– Елизавета Михайловна, Борис Иванович не может самостоятельно передвигаться. Думаю, надо позвать помощников.

– Кого? – хихикнула Маша.

– Крепких парней с носилками, – пояснил я.

Медсестра засмеялась.

– Чудесненькая мысль. Только где их взять?

– В вашем микроавтобусе, – подсказал я. – Час назад за моим приятелем, у которого случился инсульт, примчалась неотложка, и в ней, кроме доктора с медбратом, была еще пара санитаров.

Елизавета Михайловна скривилась.

– Мы муниципальная помощь, а не коммерческая, вызов бесплатный. Ваш друг наверняка прикреплен за бешеные деньги к распальцованной клинике, оттуда и вертолет пригонят, не чихнут.

– Обычно мы просим помочь с носилками соседей, – вмешалась Маша, – нам с доктором человека не унести. Вот сегодня утром женщину с инфарктом забирали – вес за сто кило, живет в пятиэтажке, лифта нет. Хорошо, два добрых мужика в подъезде обнаружили, посадили больную на стул и на руках стащили. А кабы сострадательных людей не нашли? Повезет, если шофер согласится, но наш такой упырь! Даже за деньги зад от сиденья не оторвет.

– Нет, нет, – заспорил я, – сам звонил на пульт ноль три диспетчеру. Машина примчалась через минуту, в ней сидели четверо мужчин, они надели бахилы, осмотрели больного и увезли его.

– Не рассказывайте нам сказки, – фыркнула Елизавета. – Борис Иванович, можете доскакать до лифта?

– Я напишу на вас жалобу, – пригрозила маменька.

– Да хоть десять, – не испугалась врач. – И чего получится? Ну, уйду я, а потом вас реально прихватит, и помощь не успеет вовремя, потому что работать некому будет.

– Госпожа Адилье, мне наложат гипс, и я вернусь так быстро, как смогу, – пообещал батлер.

На лице Маши возникла злорадная улыбка.

– Не факт. Может, груз привезят, тогда вас в палате оставят.

Маменька подбоченилась.

– Борис! Изволь через два часа приступить к службе. Пусть тебе сделают гирию на цепочке, ее можно повесить на плечо и ходить. Понятно?

Елизавета Михайловна закатила глаза и покинула комнату. Мы с Машей помогли Борису встать, он оперся на нас и на одной ноге поскакал к лифту.

– Вава, немедленно возвращайся! – приказала маменька.

– Это ваша мать? – спросила у меня Мария, когда мы спустились во двор.

Я кивнул.

– Представляю, как она невестку жучит, – вздохнула медсестра, влезая в салон мини-вэна.

Я посмотрел вслед уезжающей «Скорой» и только сейчас сообразил, как повезло Максу, что в соседнем дворе стояла машина реанимации с полным комплектом оборудования и с набором специалистов. Воронов мог умереть, пока обычная карета с красным крестом пробиралась бы по проулкам. Елизавета Михайловна с Машей производят приятное впечатление, но, уж простите, они не похожи на тех, кто способен прямо на месте помочь человеку с инсультом, да и нет у них ничего необходимого. Отлично помню, что внутри желтого мини-вэна, куда впихнули носилки с моим другом, я заметил множество разных приборов. А в автомобиле, куда сейчас с трудом влез Борис, зияла пустота.

– Вава! – закричала сверху маменька. – Жду тебя целый день!

С некоторыми людьми бесполезно спорить, дешевле сделать, что они хотят, без лишних разговоров и хоть на время забыть о них.

* * *

– Вава! Нам надо серьезно поговорить, – заявила маменька, едва я переступил порог гостиной. – Сядь и слушай!

Я опустился в кресло.

Милые дамы, никогда не говорите мужчине свою излюбленную фразу: «Нам надо серьезно поговорить». У любого представителя сильного пола при этом сразу начинается паника и возникает вопрос: «Сколько денег ей нужно?» Если вы тянете с началом разговора, загадочно улыбаетесь, вздыхаете, у бедного парня возникают дальнейшие предположения. «Небось разбила мою машину...» Или: «К нам едет теща». И даже похуже: «Черт, она беременна!» А когда здорово обеспокоенный партнер слышит от красавицы: «Котик, я в панике! Ты не ответил ни на одну из моих эсэмэсок! Завел другую?» – он испытывает острое желание выругаться.

Разрешите дать вам несколько добрых советов. Желая затеять важное, на ваш взгляд, обсуждение, начните его с фразы: «Милый, мне необходим твой совет». Вот советы мужики раздают с большой охотой. Любой из нас знает, как улучшить политическую обстановку в мире, какой тренер должен наконец-то сделать чемпионом российскую сборную по футболу, как справиться со взяточниками-гаишниками и еще многое-многое другое. Поэтому мужчина снисходительно выслушает глупенькую блондинку в мини-юбке, лепечущую: «Ну как мне теперь себя вести, котик? Ты влюбился в другую, я это поняла, когда ты за весь день ни разу мне не позвонил», – и спокойно скажет:

– Да ладно! Занят я был, не дуйся, зая. Пошли в кино, я тебе подарочек куплю.

И все, скандала не будет. На вас не заорут, вы не обидитесь... А все потому, что начали беседу правильно.

Еще, пожалуйста, учтите: для нас главное – работа. Понимаю, обидно признать такое, но это так. Ну да, вы после страстного свидания во время обеденного

перерыва не способны выполнять служебные обязанности, два часа обсуждаете с подружкой партнера, постоянно смотрите на телефон, ждете звонков с признаниями в любви. А что Ромео? Он давным-давно на совещании, весь в делах, забыл о любовнице, и его раздражают сыплющиеся на телефон сообщения: «Котик, люблю тебя»; «Милый, не могу забыть наши поцелуи»; «Зайка, почему не отвечаешь?»; «Вот ты какой! Получил свое и решил меня бросить?»; «Купила бритву, вскрываю себе вены». Думаете, парень, читая ваше послание, придет в восторг от того, какая вы нежная, эмоциональная, ранимая? Вовсе нет! В его голове появится простая, как кирпич, мысль: «На фига мне эта липучка – рубль штучка?» Никогда не ждите от кавалера пылких признаний, фразу «Люблю тебя» большинство мужиков пишет лишь потому, что понимает: он обязан это сделать, чтобы глупышка не закатывала истерик.

И, умоляю вас, всегда излагайте свои просьбы конкретно. Хотите кольцо? Не подъезжайте на кривой козе, не шепчите: «Милый, скоро мой день рождения. Сплю и вижу такое... ну, знаешь... блестящее, желтое круглое... Ты же понял, о чем я, правда?» Нет, конечно, ваш любовник ничего не понял. Но напрягся и купил... кастрюлю из латуни. А что, она же блестящая, круглая, желтая. И как купить кольцо без женской руки? Думаете, он знает ваш размер? Да и вообще любой представитель мужского пола считает главным подарком для женщины себя, рассуждая примерно так: раз я обратил на тебя внимание, чего еще надо-то?

– Вава! – ворвался в мои уши голос маменьки. – Ты меня не слушаешь?!

Я вынырнул из своих мыслей.

– Весь внимание.

– Ну-ка, повтори, что я секунду назад сказала! – потребовала Nicoletta.

Умение не обращать внимания на речи матушки, но при этом всегда запоминать последнюю изреченную ею фразу, отточено мной до филигранности с раннего детства. Поэтому я бодро отрапортовал:

– Ты просила меня заехать за кое-какими покупками. Сделаю это после того, как завершится деловая встреча.

– Ладно, – смилостивилась Николетта, – список вышлю на твой телефон. Что так смотришь? Считаешь меня не способной отправить сообщение? Смотри, ничего не перепутай!

Глава 8

– В принципе я понял план действий, – сказал Фиров после того, как мы проговорили больше часа, – в общих чертах уяснил.

Я натянуто улыбнулся. Человек, спасший жизнь Макс, производил хорошее впечатление. Похоже, он честен, прям в общении и работоспособен. Одна беда: Глеб не очень понятлив. Полагаю, именно по этой причине он навсегда задержался в районном отделении полиции. Ладно, сейчас озвучу краткое содержание нашего диалога, ведь повторение, как известно, мать учения. Я откашлялся.

– Мы знаем, что у Ирины есть близкая подруга – Ольга Михайловна Светлова. Именно ей Вилкина оставила свою новую квартиру, которую получила в связи со сносом дома, где проживала.

– Ага, – кивнул Глеб. – Но непонятно: зачем покойная настрочила завещание?

– Чтобы Светлова стала владелицей жилья, – терпеливо объяснил я. – Где сейчас прописана Ольга?

– В коммуналке на Рогожской улице, – уточнил Фиров.

– Ирина хотела улучшить жизнь подруги, – продолжал я, – вот и постаралась.

– Так она ей свою фатерку незадолго до суицида подарила, – неожиданно сказал собеседник. – Я сегодня узнал, что Вилкина оформила на имя Светловой дарственную на свою новую однушку. Может, Ольга туда даже переехала.

На секунду я ощутил себя полным идиотом. Иван Павлович, ты считал Фирова тугодумом? А сам-то кто! Почему не попросил Глеба выяснить, кто сейчас

проживает в новостройке?

- Проверил на всякий случай, - гудел тем временем тот, - звякнул в фатерку, которую Ирине предоставили, но там никто не ответил. Тогда я отправил туда парнишку-помощника, чтоб на месте разобрался. Значитца так, башня построена полгода назад, жилье сдавалось с экономремонтом, большинство жильцов сейчас собственный затеяло. На площадке, где однушка Вилкиной расположена, пока никто не живет, соседи снизу-сверху ни ее, ни Светлову не знают. Надо с Ольгой Михайловной поговорить, у меня ее мобильный есть. Но я не мастак с бабами ля-ля разводить, не получается у них доверие вызвать.

- Диктуйте номер, - попросил я.

Подруга Ирины ответила не сразу, но наконец из трубки раздался женский голос:

- Фирма «Бьюти Жаклин», мы хотим сделать вас прекрасными.

Я подумал, что ошибся, и извинился:

- Простите, не туда попал.

- Нет-нет, вы обратились по правильному адресу. Вам повезло, сегодня действуют скидки на весь ассортимент, - зачастила незнакомка. - Мои дилеры готовы приехать куда пожелаете, по любому адресу в удобное вам время.

- А если я ничего не куплю? - ввязался я в ненужный разговор.

- В каждом бизнесе свои риски, - отреагировала собеседница. - В моей фирме огромный выбор и такие привлекательные цены, что вы непременно подберете косметику для своей любимой, для мамы, сестры или для себя - есть широкая мужская линия.

- Спасибо, мне ничего не нужно, я набрал не тот номер, - отверг я любезное предложение и собрался отсоединиться.

– Стойте! – закричала женщина. – Все-таки запишите мой контакт. Захотите приобрести подарок за умеренную цену – звоните. У меня уникальная косметика на основе экологически чистых трав Прованса. Прямо из Франции! И есть совсем недорогие варианты. На супругу вам, конечно, денег не жалко, а для коллег можно выбрать подарок подешевле. Преподнесете секретарше начальника набор всего за триста рубликов: фигурное мыло в виде собачки или кошечки, шапочку для душа, масло для мытья тела, скраб и крем. Она вас потом к шефу всегда без очереди пускать будет.

– А что, маслом тоже моются? – изумился я.

– Конечно! Это лучше, чем гелем, – заверила торговка. – Можем доставить заказ куда пожелаете.

Подобная настойчивость, желание не упустить клиента, конечно, достойны похвалы, и я решил не обижать незнакомку резким отказом.

– Интересная идея с набором. Говорите свой номер.

– Меня зовут Ольга Светлова...

– Вы-то мне и нужны! – обрадовался я. – Где вы живете? На Рогожской? Или уже перебрались в однушку, которую вам Ирина Вилкина подарила?

– Откуда вы про квартиру знаете? – испугалась собеседница. – Мы с Иришкой никому о ней не рассказываем. Ой! Случилась беда?

И, только услышав последний вопрос, я понял, что свалял дурака. Ну, Иван Павлович, экий ты несообразительный стал! Ольга, похоже, близкая подруга Вилкиной. Но раз в убогой комнате найден труп, значит, Светлова не знает о смерти Ирины – уж, наверное бы, приятельница подняла тревогу, если бы Вилкина пропала, поехала к ней домой и обнаружила тело намного раньше, чем это сделали строители. Выходит, умерла и правда не Вилкина? Девушка жива-здоровая? Надо подробно расспросить Ольгу...

– Вы давно беседовали с Ириной?

– У нотариуса встречались, когда она мне жилье подарила, – вдруг всхлипнула Светлова. – Я возражала, но...

Ольга зашмыгала носом.

– Иринка уехала на родину. Сказала, что поживет там несколько месяцев и точно поправится.

– Вилкина болела? – спросил я.

– Да.

– Чем?

– Длинное слово... не запомнила его... Врач Иру напугал: «Капец вам, жить чуть-чуть осталось». В общем, все плохо, – Ольга заплакала. – Я очень за нее переживаю. У Иры мобильного нет, я жду, когда она вернется. Вы вообще кто?

– Оля, давайте встретимся и поговорим, – предложил я, – по телефону всего не скажешь.

– Ира в больнице? – спросила Светлова. – Вы из полиции? Вилкина приехала из Балуева назад в Москву и на вокзале потеряла сознание? Да?

– Вы сейчас где? – задал я свой вопрос.

– На Рогожской.

– Я в кафе неподалеку, – соврал я.

– В «Ромашке»? – оживилась собеседница. – Там вкусно, но дорого.

– Надеюсь, не откажетесь перекусить за мой счет? – предложил я. – Заодно кое-что обсудим. Или вы заняты?

– Нет, я совершенно свободна сегодня, – согласилась Ольга. – Через тридцать минут, о'кей?

* * *

Если девушка обещает вскоре появиться, то раньше чем через час ждать ее не стоит. Но Светлова примчалась почти вовремя, безошибочно вычислила меня среди остальных посетителей – я быстро добрался до места, – приблизилась к столику и спросила:

– Это вы мне звонили?

Я встал.

– Да. Давайте познакомимся, Иван Павлович Подушкин.

– Оля, – робко представилась девушка.

Я решил приступить к делу без долгой прелюдии:

– Ирина серьезно болела?

– Да, – прошептала Светлова. – Примерно год назад все началось. В принципе у нее давно голова болела, но в детской поликлинике врача злая была. Если воспитанник интерната жаловался на недомогание, она отвечала: «Справку для школы не дам. Иди учишься, это твой единственный шанс со дна жизни выплыть». Но мы с Ирой и без докторши знали: надо сделать все, чтобы в Москву уехать. Понимаете...

Ольга продолжала рассказывать, а я молча слушал. Всегда надо дать человеку выговориться, он увлечется и поведаст то, что и не собирался сообщать.

...Ира и Оля жили в детдоме в одной комнате. Светлова оказалась в приюте первой, попала туда в пять лет, после того как пьяная мать устроила в доме пожар. Слава богу, девочка догадалась выбежать на улицу, а вот алкоголичка осталась спать на диване. Иру привезли в интернат, когда она перешла в третий

класс. Сначала Вилкина была агрессивной, кидалась на детей, хамила педагогам, не хотела подчиняться распорядку, отвратительно училась, но с течением времени стала спокойнее. Вот только ее успехи в школе оставляли желать лучшего.

Оля плохо помнила свою маму, и все, связанное с ней, не вызывало у нее положительных эмоций. Иногда девочка просыпалась по ночам от кошмара: ей виделась пьяная мать, отвешивающая подзатыльники. Оля вскакивала с узкой койки и бежала в туалет. Наглотавшись из-под крана сырой воды и придя в себя, она испытывала счастье, поняв, что находится в детдоме, где ее не лупят, не морят голодом, не дают вместо одежды рваные обноски. Страшный кошмар про мать – это всего лишь сон.

Олечке очень нравилось в интернате, у нее была своя кровать с двумя подушками и красивым покрывалом, на полу лежал коврик с изображением мишек, на полочке сидели плюшевые звери – игрушки на Новый год, Восьмое марта и день рождения детям дарили щедрые спонсоры. То есть это были не общие собачки-белочки-ежики из игрового зала, а ее личные зайки-лисички-обезьянки. Тот, кто рос на гособеспечении, очень хорошо поймет Олю, своя игрушка – особенная вещь. И платья с туфельками радовали Олечку, ведь они были новыми, красивыми. И еда ей нравилась, она с аппетитом ела кашу, суп, второе, приходила в восторг от булочек, получала яблоки-апельсины. А еще можно было в грустную минуту подойти к воспитательнице Марии Алексеевне Белкиной, очень доброй женщине, прижаться к ней, поплакать и получить поцелуй, подкрепленный карамелькой. Оля считала свою жизнь прекрасной, поэтому когда новенькая в первую ночь начала рыдать, стала ее утешать:

– Перестань плакать. Здесь так здорово! Весело! У нас праздники! Смотри, что мне вчера спонсоры подарили: пакет ирисок, набор, чтобы самой бусы собирать. И Мария Алексеевна Белкина такая хорошая!

Но Ира не разделяла восторгов Светловой.

– Фу! Папа мне шоколадные конфеты всегда покупал. Я жила одна в комнате. Знаешь, какие у меня игрушки были?

Вилкиной не нравилось в приюте категорически. Она отказывалась есть, не желала носить выданную одежду, обзывала ребят нищими уродами, а одному

из спонсоров, протянувшему ей под Новый год кулек конфет, со злобной гримасой заявила:

– Своей дочке тоже такую дрянь под елку кладете? Или ей вкусное-дорогое, а сиротам любое барахло сойдет?

Но потом Ира изменилась, стала тихой и крепко подружилась с Олей.

После детдома Вилкина и Светлова получили по квартире. Ира развила бешеную активность, решив как можно скорее перебраться в столицу, Оля же не хотела менять свою жизнь кардинально, собиралась пойти продавщицей в магазин в Игнатъеве, где теперь имела свои квадратные метры, выйти замуж, родить детей. Но активная Ирина перетащила аморфную Олю в столицу, выменяв себе и ей по углу в шумном городе. Конечно, в комнатенках, которые им достались, было тесно даже не очень крупной кошке, но зато это собственное жилье не где-нибудь, а в Москве! В конце концов Ольга востепенелась и стала строить планы. Сейчас она мечтает поступить в творческий вуз, хочет стать художницей. Правда, несколько попыток попасть на студенческую скамью закончились неудачей, но она не унывает, уверена, что максимум через десять лет у нее будет все: деньги, богатый муж, загородный дом, иномарка, драгоценности, модная одежда-туфли-сумки. Светлова готовится к вступительным экзаменам, будет сдавать их в августе, а пока пристроилась в фирму, торгующую косметикой: берет на складе товар по оптовой цене, продает чуть дороже, а разница идет ей в карман.

– Называюсь владелицей предприятия, – смущенно призналась девушка. – Врать, конечно, некрасиво, но людям нравится, когда их не простой менеджер обслуживает. У меня много клиентов, зарабатываю нормально, снимаю однушку, а свою комнату сдаю. Еще я делаю комиксы для детского журнала. Платят копейки, но для поступления в вуз требуется творческое портфолио. Короче, у меня-то все наладилось, а вот у Иры... Она решила стать манекенщицей. Пошла в какое-то агентство, там ей предложили обучение за большие деньги. Вилкина расстроилась, денег ведь не было, и тут вдруг на нее обратил внимание один из заказчиков. Мужчина пришел подыскивать модель для рекламы своего товара, увидел Иру...

Оля скорчила гримасу.

– На следующий день после знакомства она к нему переехала. Я попыталась ей глаза открыть, сказала: «Иринка, ты с ума сошла, парень месяцок тобой попользуется и выгонит, лучше учись на мастера по маникюру-педикюру, хорошая профессия». А она губы поджала: «Это ты учись зависть свою скрывать. Вон как побледнела, узнав про мою удачу». В общем, мы поругались. Она меня по-всякому обозвала и убежала, я обиделась. Мы перестали встречаться, даже с Новым годом и днем рождения не поздравляли друг дружку. А потом Ира вдруг звякнула, попросила о встрече, сказав: «Извини, я дурно себя повела. Мне мысль о замужестве с богатым парнем в голову ударила. Но получилось так, как ты говорила!»

Светлова схватила со стола бумажную салфетку и скомкала ее.

– Тот мужик с Ирккой пожил некоторое время, а потом своему приятелю ее передал. Она после с разными перцами тусовалась, из кровати в кровать перепрыгивала и, в общем-то, неплохо существовала. А потом заболела и сразу всем не нужна стала. Деньги Ира не копила, профессии не имела, пыталась гамбургерами торговать, еще куда-то пробовала устроиться, но ничего у нее не получалось. В конце концов она совсем обнищала, вернулась в свою коммуналку, голодала. Да еще врач скорую смерть пообещал. Жуть! Единственная ее удача – дом, где Вилкина прописана, запланировали под снос, и ей выделили приличную однушку в новостройке. Ирке плохо было и морально, и физически. И передо мной стыдно, ведь когда ей хорошо жилось, когда мужики деньги давали, элитное жилье для нее снимали и все покупали, она обо мне не вспоминала, помощи не предлагала.

Я, не перебивая, слушал Ольгу, а та тараторила без умолку.

...Вилкина приехала к забытой ею подруге, рассказала все, в том числе и про свою болезнь, и огорошила Олю заявлением:

– Хочу оформить тебе дарственную на квартиру, а то жилплощадь, когда я умру, отойдет государству.

Оля пришла в ужас.

– Не говори так! Ты поправишься!

Ирина обняла подругу, с которой некогда жила в детдоме в одной комнате.

– Давай поступим так. Сходим к нотариусу, я подпишу все бумаги, но ты получишь квартиру, если со мной случится плохое. Денег у меня сейчас совсем нет, я нищая, поэтому новое жилье буду сдавать, сама останусь жить в бараке, пока его не снесут. Потом посмотрим, что делать. Ты только пообещай, что за квартиру будешь за мной ухаживать, когда я слягу. А если умру, похоронишь по-человечески. Так что небесплатно тебе новое жилье достанется. Это для моего спокойствия. Пожалуйста, не возражай, мне нельзя нервничать. Я завтра уеду в Балуево, ты не волнуйся, если на некоторое время пропаду из вида.

– Зачем тебе туда? – поразилась Оля.

– Хочу посмотреть на места, где была беспредельно счастлива, – пояснила Ира. – Врач посоветовал: «Вам нужны положительные эмоции, они продляют жизнь». Как вернусь, сразу тебе позвоню.

Глава 9

– Ирина не думала о суициде? – спросил я.

Ольга заерзала на стуле.

– Ну... пару раз сказала, что лучше самой на тот свет уйти, чем от боли мучиться.

Я подлил ей в чашку чаю.

– Но ведь Ира была верующей, а самоубийство – большой грех.

– Из чего вы сделали вывод про религиозность Вилкиной? – удивилась Оля. – Нет, она не ходила в церковь.

– Среди ее вещей нашли несколько книг божественного содержания, – пояснил я. – И еще золотой крестик на цепочке, который...

Я быстро проглотил окончание фразы: «висел на шее трупа» и соврал:

– Лежал на тумбочке.

Девушка потянулась к пирожному.

– А?а?а... Иришка в последнее время подрядилась религиозную литературу раздавать. Не знаю как, но она эту работу нашла в каком-то центре, не в храме. Им там нужны молодые люди, распространяющие издания. Вилкина ходила по институтам, школам, вручала девчонкам и парням брошюры, а вместе с ними приглашение на дискотеку.

– На танцы? – удивился я.

Оля поморщилась.

– Думаю, там какая-то секта, куда заманивают новых членов. А как ребят зазвать? Вот и устраивают бесплатные вечеринки. Кто-то разок придет и больше не появится, а другому понравится, станет постоянным посетителем, не заметит, как в секту вступит, все деньги в их кассу поперет.

Светлова обхватила чашку ладонями, сказав:

– Что-то холодно стало... А почему вы Ирой интересуетесь? Что с ней случилось? Зачем в ее комнате рылись?

Я ожидал, что Ольга задаст эти вопросы сразу, подойдя к столику в кафе, и заранее заготовил ответ.

– В доме под снос обнаружили мертвого человека.

Собеседница зажала рот рукой.

– Ой!

– К сожалению, пока личность самоубийцы не установлена, – осторожно сказал я.

– Почему? – удивилась Светлова. – В телесериалах показывают, что это просто сделать – пальцы краской мажут...

Рассказывать ей о том, в каком состоянии находятся останки, категорически нельзя.

– Верно, – согласился я, – но папиллярные узоры надо сравнить с Ириными, а у нее никогда не брали отпечатки.

Ольга опустила глаза.

– Значит, нельзя понять, кто мертвец... Мне же надо вам всю правду рассказать?

– Желательно, – кивнул я.

И услышал неожиданное:

– Ирина мне квартиру отдала из-за сектантов, которые сначала ее в свою паутину заманили. Они же там все ласковые, душевные. В общем, слушайте дальше...

Вилкина стала книги раздавать, и пару недель ей за это платили. А потом спросили:

– Почему ты такая бледная? Пойди выпей в нашем буфете чайку, съешь бутербродов с сыром. Денег за еду не надо платить.

Ира приняла приглашение. К ней за столик подседа тетка лет пятидесяти, завела разговор, и девушка сама не поняла, как все-все ей растрепала – про свою болезнь, про новую квартиру. И Вилкину взяли в оборот. Сначала любовью окутали, кормили-поили бесплатно, затем стали какие-то микстуры давать, пугать принялись:

- Если умрешь, кто тебя похоронит по-человечески? Кто поминки устроит? Отпиши нам свою новую жилплощадь, мы ее потом продадим, деньги на памятник тебе истратим, молиться будем за твою душу.

Вот тут до Ирины дошло, что к чему. Она перестала ходить в секту, но ласковые люди от нее не отставали. Тогда Вилкина подарила однушку Светловой, а сектантам заявила:

- Все, нет квартирки.

И уехала в Балуюево, подальше от уродов, ну и заодно на родные места поглядеть...

- Вот как все было, - закончила повествование Ольга.

- Помните название той организации? - спросил я.

- Нет, она его не упоминала, - вздохнула собеседница.

- А где их офис?

- Понятия не имею.

- Имя кого-нибудь из руководителей секты знаете?

Светлова схватила очередную бумажную салфетку и приложила ее к глазам.

- К сожалению, нет. Ирка ничего-ничего мне о секте не сообщила, кроме того, что порвала с ней и хочет временно в Балуюево захватиться. Мол, боится, что главари ее найдут и отомстят, что однушку не получили. Думаю, в доме другая девушка умерла. И крестик точно не Иркин. Вы на него внимания не обращайтесь, лучше выбросьте побыстрее - плохая примета чужой крест трогать. Да-да, прямо сегодня вышвырните! Иришка в бога не верила. Как же тяжело жить, когда рядом родного человека нет... Ой, плохо, что мы с ней одни-одиношеньки на свете...

– У Вилкиной есть брат, – напомнил я. И поправился: – Вернее, он не совсем брат, но Ира его таковым считала.

Светлова кивнула.

– Слышала про него, но они ведь не общались.

Я колебался пару мгновений и сказал правду:

– Ирина приезжала ко мне с просьбой найти Константина Ерофеевича Вилкина, внука своего отца от первого брака.

Оля разинула рот.

– Даже так? А мне ничего про это не сказала. О брате она в детстве всего один раз упомянула, когда только в интернат попала, сообщила, что ее родители погибли, а Костя учиться уехал. Я ей посоветовала: «Попроси Марию Алексеевну с твоим братом связаться. Он навещать тебя станет, может, к себе возьмет. Но Ира ответила: «Мы с ним не дружили, он старше, да и не брат мне, а внук папы от другой жены. Не хочу его никогда видеть и говорить о нем не желаю». Я поняла, что ей почему-то неприятно вспоминать Костю, и мы о его существовании забыли. Белкина о нем тоже помалкивала, хотя Мария Алексеевна всегда родню детдомовцев искала.

Я отодвинул пустую чашку.

– Константин на самом деле не очень-то хороший человек, я беседовал с ним. Он бизнесом занимается.

Ольга, успевшая взять чашку, пролила чай.

– Бизнесом? Константин богат?

Я вспомнил новую иномарку, на которой Вилкин-Ухов приехал на встречу, его совсем не дешевые часы, модный костюм и промолчал. Но отчего-то подумал: во времена моего детства наличие у человека собственного автомобиля, золотого брегета и пиджачной пары из шерсти наивысшего

качества свидетельствовало о полнейшем материальном благополучии субъекта. А если у него была ушанка из меха ондатры, сразу становилось ясно: сей индивидуум в придачу к толстому кошельку обладает высоким положением в обществе. Круче этого головного убора, покупаемого в особой секции ГУМа, куда не имели доступа простые смертные, были только «пирожки» из серого каракуля, которые отчего-то любило высшее руководство страны.

Я, семилетний, наблюдая по телевизору за парадом седьмого ноября на Красной площади, спросил у матери:

– Мамочка, почему правительство одинаково одето? И у них глупые шапки. В них же холодно – уши мерзнут.

Николетта моментально отвесила мне оплеуху и заорала, повернув голову в сторону кабинета отца:

– Вот оно, твое воспитание, Павел! Из-за Вавы нас в Сибирь сошлют, будешь свои книги тамошним медведям вслух читать. Иван! Советское правительство не может выглядеть глупо. Ты хочешь бегать писать во двор и там же каждый день мыться из лейки?

Я был мальчиком с живым воображением, поэтому сразу представил, как выхожу из подъезда дома, расположенного в самом центре Москвы, на оживленную улицу, устраиваюсь около дерева, потом раздеваюсь, беру лейку... Ясное дело, я перепугался и прошептал:

– Нет.

– Вот еще раз сболтнешь чушь про самых лучших, справедливых, умных, красиво одетых вождей СССР – и лишишь семью теплого туалета, горячей воды и много чего другого! – пригрозила маменька.

Я потом лет до тринадцати боялся, что к нам придет хмурый сантехник, отвинтит и унесет унитаз, выломает ванну... Одним словом, я тогда по одежде и машине человека мог составить мнение о его положении в обществе. А теперь такой субъект, вполне вероятно, беден, как заяц в поле, просто он набрал кредитов.

- Обалдеть! – продолжала изумляться Оля. – У Ирки обеспеченный брат!

- Назовите, пожалуйста, имя врача, который лечил Вилкину, – попросил я.

- Не знаю его, – ответила Светлова.

Я попытался хоть что-то выяснить:

- Это мужчина или женщина?

Ольга пожала плечами.

Но покойная Элеонора научила меня не пасовать перед первой трудностью.

- Какую поликлинику посещала Ира?

- Московскую.

Вот здорово! А я?то думал, что Вилкина пару раз в месяц летала в Нью-Йорк.

- Адрес учреждения подскажите.

- Никогда его не слышала, – покачала головой моя собеседница. – Ирка ничего про лечение не говорила. Вообще. Я пыталась спросить, а она разозлилась: «Отстань, без тебя плохо». Вилкина такая, любит из всего тайну делать. Меня вечно расспрашивала, прямо в печень лезла, и о парнях, и о работе, а о себе – молчок. Про болячку сообщила, а о лечении нет. Жаловалась пару раз, что ей от таблеток плохо, и только.

- Ира принимала лекарства? – уцепился я за крохотную ниточку.

- Ну, конечно, – сказала Светлова. – Все, кого лечат, пилюли глотают, но я ни разу упаковку не видела.

Я решил не предаваться унынию. Что за хворь подцепила Вилкина, Ольга сказать не может, где и кто лечил Ирину, тоже не знает. Очень странно,

что в комнате умершей не нашлось никаких медикаментов, кроме пустых блистеров из-под средства от гипертонии. Но, может, этот факт работает на мою версию? На кровати лежала не Ирина. Вилкина жива, уехала в местечко Балуюво, откуда родом, чтобы там получить инъекцию приятных воспоминаний и спрятаться от сектантов. Вот почему в убогой комнате отсутствуют летняя одежда и медикаменты. Последние Ира взяла с собой, а шмотки надела. Единственное, что мешает поверить в эту версию, – завещание на тумбочке. Зачем его составлять, если не собираешься умирать?

Светлова словно услышала мои мысли.

– Знаете, вот подумала я сейчас немного, и кажется мне, что Ира могла отравиться. Она боялась, что ей больно будет, если лечение не поможет и умирать придется. А завещание составила потому, что опасалась: вдруг квартира мне не достанется, потому что акт дарения неправильно составлен... Или... Ну, не знаю, что еще. Считаете, глупо такую бумагу писать, если все равно жилье уже отдала?

– Немного странно, – ответил я. – Ведь подарок нельзя отнять.

– Ира, вероятно, полагала иначе, – уперлась Ольга. – Я просто на две части раздираюсь. Могла Вилкина с собой покончить? Да. Могла уехать в Балуюво? Тоже да. Вы все проверьте, скатайтесь в эту деревню. Туда недолго ехать, если на скором, одна ночь всего. Верила Ира в бога? Нет! Крестик не ее, но раз он на тумбочке лежал, значит, умерла не Вилкина. Хотя Ирке кто-то мог его подарить. Скажем, она с Марией Алексеевной встретилась, а та бывшей воспитаннице оберег дала... Ира умерла? Или нет? Голова кругом.

Я решил не впадать в грех уныния и вынул кошелек.

– Простите за долгую беседу. Вот моя визитка, если вспомните что-то интересное, позвоните. Вдруг Ирина с вами свяжется? Да, чуть не забыл! У Вилкиной был кавалер, который мог подарить ей нижнее белье стоимостью пару сотен евро?

Ольга схватила пирожное и принялась с аппетитом его есть.

– Никого у Ирки не было.

Я почему-то ощутил волнение.

– У вас случайно не найдется образца почерка Вилкиной? Может, сохранилась открытка на Новый год?

– Зачем нам друг другу писать? – хмыкнула Оля, доедая «картошку». – Глупо это, легче сказать, чего хочешь.

Я встал.

– Еще раз спасибо.

Светлова исподлобья глянула на меня.

– Я сидела тут долго, а время дорого. Хотите сладкой ерундой отделаться? Из-за вас я заработка лишилась, не поехала к клиенту.

Я не стал ловить девушку на лжи, не напомнил, как она, беседуя со мной по телефону, сообщила, что совершенно свободна сегодня, просто достал купюру и положил на стол.

Глава 10

– Не много ты узнал, – констатировал Глеб, услышав мой рассказ о беседе с Ольгой. – А у меня полна корзина грибов. Но, как водится, есть среди опят и поганка. Позвонил я господину Константину Ухову-Вилкину, представился, сообщил, что в комнате, из которой его сестре выехать следовало, нашли труп. Мужик спокойно так, без нервов, ответил: «Ирина не является моей сестрой, она дочь моего деда, Вениамина Михайловича Вилкина, от второго брака. Общей крови у нас четверть капли. Что вам от меня надо?» Я объяснил: «Анализ ДНК. Тогда точно определим, чье тело нашли в комнате». И этот урод отказал! Заявил: «Мне плевать, кто там тапки отбросил. А вы, если родственную связь установите, потребуете останки забрать. Их же хоронить надо, значит, деньги отстегивать. За каким дьяволом я должен на чужую бабу тратиться?» Ну тут я

совсем расвирепел: «У вас же с женой именно похоронный бизнес». Так этот хрен заорал: «Вас не касается, что у нас есть! Не смейте мне больше звонить. Анализ не сдам». Ну не мерзавец ли?

- Неприятный человек, - согласился я. - А какая новость хорошая?

Глеб присвистнул.

- Пошуровали мы в базах и выудили всякое разное. В поселке Балуево действительно жила семья Вилкиных, Вениамин Михайлович и Резеда Ивановна...

- Редкое, кстати, женское имя, - перебив, отметил я.

- Да, - кивнул Филов. - Но не это самое интересное. Вилкины усыновили внука Константина, родители которого погибли в автоаварии...

- Секундочку! - опять прервал я полицейского. - Ирина рассказывала мне и Ольге, что отец и мать брата умерли от травм, полученных при катании на горных лыжах.

- Нет, - возразил Филов, - документы свидетельствуют о другом. Мой приятель-компьютерщик залез в архив органов опеки, там написало о ДТП. Мамаша с папашей напились, Ерофей сел за руль и - всем привет! Небось дед с бабкой не хотели рассказывать мальчику правду и придумали версию про горнолыжников. Родители, умершие по пьяни, - это некрасиво. Константина органы опеки отдали ближайшему родственнику без слов. Вроде ничего странного, так?

- Пока да, - согласился я.

- В Балуево Вилкины прибыли, когда их дочке Ирине исполнился год, Константину тогда было девять лет, - продолжил Глеб. - У Вениамина Михайловича копеечка водилась, он купил неподалеку от поселка заброшенный пионерлагерь, вернее, пару домиков, которые от него остались, и превратил их в мотель. Несколько лет все шло хорошо, а потом взрослые угорели. Балуевская милиция не усердствовала, разбирая происшествие, дело всем понятным

казалось. А я удивился: не первый же раз Вилкины печку топили, почему вдруг вьюшку-то закрыли? И куда подевался Константин? Его ни в избе, ни во дворе не нашли. Девятилетнюю Иру допросили спустя две недели после беды, девочка лежала с нервным срывом в больнице.

– И она что-то вспомнила? – не утерпел я.

– Да, внесла некоторую ясность. Оказывается, за день до несчастья Костя уехал из дома. Юноша, окончивший на пятерки школу, мечтал получить высшее образование, планировал поступить в вуз. Но дед запрещал ему даже думать об отъезде в большой город, запугивал: «Ты там пропадешь, без денег и связей в Москве делать нечего. Золотая медаль попасть в институт не поможет, в столице на студенческой скамье сидят только дети богатых-знаменитых. Мы не голодаем, но содержать тебя вдали от Балуева не сможем. Что будет, если ты заболеешь или тебя злой человек обидит? Ты в провинции рос, не лезь в мегаполис, который и не таких, как ты, в пыль перемалывал. Живи спокойно дома. Найдем тебе невесту, родятся дети – вот оно, настоящее счастье». Но внук упорно твердил: «Хочу получить достойное образование».

– А приемная мать принимала участие в решении судьбы Кости? – задал я очередной вопрос.

– Да, Резеда Ивановна уговаривала паренька послушаться совета мужа, но Вилкин-младший закусил удила. И в конце концов Вениамин Михайлович сдался, сказал жене в присутствии Иры: «Ладно, пусть Костя поживет в Москве один. Хлебнет лиха и вернется». Иринку отъезд Кости совсем не расстроил. Она с ним не дружила, он постоянно ее обижал. Когда, например, она была совсем малышкой, Костя столкнул кроху в овраг с крапивой и смеялся, глядя, как она заливаясь слезами от боли. А еще швырял ей на волосы смолу, пачкал подушку золой. Когда Ира чуть подросла, Константин поутих, но все же регулярно отвечивал ей затрещины. За что? Просто так, от плохого настроения. В шестнадцать лет Костик неожиданно кардинально изменился, стал приветливым, даже ласковым, мог угостить Ирочку конфетой, предлагал ей помочь с уроками, в особенности с математикой, которая оставалась за гранью понимания школьницы. Но Ирина сторонилась подростка, ожидала от него подвоха, понимала: неожиданно вспыхнувшая любовь – неправда. Костя проявляет о ней заботу в присутствии старших, хочет казаться добреньким, на самом же деле на дух ее не переносит.

Глеб замолчал, а я сказал:

- Не сочтите за упрек, но пока ничего нового я не узнал.

- Погоди, сейчас, - пообещал Филов. - Проверил я Вилкиных-старших, хотел выяснить, где они жили до приезда в Балуево, чем занимались. Узнал, что супруги были прописаны во Владивостоке, потом укатили в Омск, оттуда в Екатеринбург, затем в Подмосковьё. После смерти сына перебрались в Казань...

- Эк семью по стране-то носило, - удивился я.

- Странно, да? - засмеялся Филов. - Господин Вилкин прямо летун. Меня это тоже удивило. Ну и выяснилось в конце концов вот что. До приезда в Балуево никакой семьи Вилкиных не существовало. Переезды - чистая туфта, зафиксированы лишь на бумаге. Если обычный человек что-то про Вениамина узнать захочет, он далеко по цепочке не пройдет, это нелегко. Но я?то упорный, а потому обнаружил: не было никаких Вилкиных. На свет не рождались, нигде не учились, не работали. А сведения о прописке хитрые: во Владике они якобы проживали на служебной площади, но дом снесли через неделю после их отъезда, в Омске после того, как семья укатила, здание сгорело... Дальше продолжать не стану.

- Не может быть, - пробормотал я, - наверное, вы ошиблись.

Из трубки слышались шепот, шуршание, потом раздался другой голос:

- Я лучше всех нахожу информацию, со мной мало кто сравнится на этом поле. Здравсти, я Михаил.

- Иван Павлович Подушкин, - машинально представился я.

- Знаю, - отрезал новый собеседник, - мне о вас Максим рассказывал.

- Вы из техотдела? - догадался я. - Воронов обмолвился, что с Филовым работает талантливый компьютерщик.

– Я гений, – без тени стеснения поправил меня Михаил, – никогда ничего не упускаю. Вениамин и Резеда из воздуха появились, никаких упоминаний о них до прописки во Владивостоке нет, их не существовало. Мальчик Константин Ерофеевич Вилкин и девочка Ирина Вениаминовна с той же фамилией на свет не рождались. Документы об усыновлении парня – липа, как и все остальное. А вот запись о кончине угоревших есть, как и дело, возбужденное по факту кончины Вениамина Михайловича и Резеды Ивановны. Причем вели его не местные милиционеры. Им занимался следователь ФСБ по тому региону, Леонид Сергеевич Печенькин. Теперь объясните, по какой причине элементарный бытовой случай – ну надышались муж с женой окиси углерода из-за закрытой вьюшки печки, – не они первые, не они последние, – потребовал участия такого человека? Печенькин лично разбирался в произошедшем, Петра Громова, участкового из Балужева, в сторону отодвинули. Есть предположения, почему это случилось? Нет? Значит, надо вам ехать в те края. Печенькин сейчас живет в Игнатееве, в ФСБ более не служит, работает начальником охраны в коммерческом банке «Аэлита». Самолеты туда не летают, зато поезда ходят. Есть скорый «Москва – Крамарск». Из столицы отходит в двадцать три сорок восемь, в конечный пункт прибывает утром, в семь двенадцать. За полчаса до конечной станции состав тормозит на две минуты в Игнатееве, главное – не проспать. Но если проспите, не беда, можно на автобусе назад проехать. В Игнатееве три гостиницы. Одна большая, еще советских времен, называется...

– «Центральная», – подсказал я.

– Поражен вашей прозорливостью, – съязвил Михаил. – Два других отеля современные, но маленькие, они переполнены, а в большом полно свободных номеров. В поезде есть купе СВ, его можно взять целиком. Если сегодня уедете, завтра будете на месте, успеете переговорить с Печенькиным и вечером отбудете в Москву. Билет покупать?

– Да, – решил я.

– Уже приобрел. Подумал, что вы не откажетесь прокатиться, – засмеялся Михаил. – И в гостинице зарезервировал номер.

– Поражен вашей заботливостью, – не удержался я от ответного язвительного замечания.

– Один-один, – хмыкнул Михаил. – Пока ничья, поглядим, как будут развиваться события дальше. На всякий случай скидываю вам свои контакты. По первому вызывайте меня днем, по второму ночью, после одиннадцати.

Я отсоединился, услышал тихое блямканье и увидел сообщение: два набора цифр с подписью «Михаил Сергеевич Фрумкин». Трубка опять издала короткий звук. На сей раз прилетела весточка от маменьки.

Глава 11

Занеся в телефонную книжку контакты компьютерных дел гения, я углубился в изучение послания от Николетты.

«Вава! Необходимо срочно! 1. Ботинки розового цвета. Самый маленький размер. 2. Свитер в цветах. Обязательно бело-красный. 3. Зонтик кружевной. 4. Расческа деревянная. 5. Паштет из печени слонов. 6. Витамины для улучшения роста волос, ногтей и всего остального сразу. 7. Шампунь для ослов».

Список меня потряс. Я перечитал его трижды и лишь потом рискнул позвонить Николетте.

– Не вздумай сказать, что у тебя нет времени на покупки! – сразу грянуло из трубки. – Не желаю ничего слышать! Езжай в торговый центр «ВИП-покупка», там есть все.

– Непременно выполню твое поручение, – смиренно пообещал я, усаживаясь за руль, – уже качу в магазин. Но есть вопросы по перечню приобретений.

Маменька в секунду разозлилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

История красного дивана подробно рассказана в книге Дарьи Донцовой «Судьба найдет на сеновале», издательство «Эксмо».

2

О том, как Иван Павлович познакомился с Настей, рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Судьба найдет на сеновале», издательство «Эксмо».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/avos-ka-s-almaznym-fondom>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)